

ОЛЕГ КОТ

Одиннадцатое августа

Олег Кот

Одиннадцатое августа

«Издательские решения»

Кот О.

Одиннадцатое августа / О. Кот — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967307-7

«Это была лаборатория метров сорока пяти с замкнутой подачей воздуха. Он подавался полностью стерильным по трубкам, которые шли под потолком. Осмотревшись, увидел ультрасовременный операционный стол. На нём лежала совсем молодая женщина после кесарева сечения. Из её чрева был извлечён ребёнок. От этой женщины исходило состояние нечистоты. Если пещера рождения Христа была завалена окаменевшим навозом, то этот стерильный оазис был полной ее противоположностью».Одиннадцатое августа.

ISBN 978-5-44-967307-7

© Кот О.

© Издательские решения

Содержание

Матушкины бриллианты	6
Ложный сустав	6
Небесные гости	9
Пятидесятый псалом	12
Раб Божий Иоанн	13
Как Иван Гусак попал в путы Свидетелей Иеговы	14
Как Божья Мать спасла хориста от зелёного змия	16
Сила благословения схиархимандрита Зосимы (Сокур)	18
Позволь мне дать тебе три совета	21
Маслины	23
Юродивые	26
Чудо святителя Игнатия Мариупольского (Гозадини)	29
Наждачка	32
Матушкины бриллианты	34
Гвоздь	36
Святые мученики Киприан и Иустина	37
Пасхальное ведро (Пасха 1992 года)	40
Покаяние (первый шаг)	43
Ожоги	45
Книга под подушкой	46
Люди и животные	48
Чудо с подносом (1995)	52
Блаженная Алипия Голосеевская (Авдеева)	54
Ангельский трамвай	56
Бородавки	57
Воздвижение (1991 год)	59
Хэллоуин-1 (Большая Вода)	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Одиннадцатое августа

Олег Кот

© Олег Кот, 2019

ISBN 978-5-4496-7307-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Матушкины бриллианты

Ложный сустав

Шёл Великий пост. На вечерних воскресных службах читалась Пассия о страданиях Христа. В тот день читали отрывок из евангелия с упоминанием благоразумного разбойника.

– Людмила! – показываю взглядом на хромого мужчину, медленно идущего по направлению к нам. – Ложный сустав! Такие формируются при перебивании голени.

Людмила Степановна удивлённо смотрит то на меня, то на бедно одетого мужчину под сорок с белым, как мука, лицом. Употребив немалые усилия, он, наконец, дохромал до нашего угла, перегнулся через перила и приложился к иконе.

Этого мне хватило, чтобы продолжить.

– Когда распятого раба нужно было снять с креста, а он всё ещё был жив, перебивали скрещённые голени. Одна нога оставалась на гвозде, а другая теряла точку опоры. Начиналась судорога, удушье и несчастный вскоре умирал.

Главный осведомитель благочинного мрачно взглянула на меня: «И как это всё донести в пятницу? Прости Господи! С каким уродом связалась».

Забыв о своих «медицинских» комментариях, встал со «стульчика Марии» и идя вслед за человеком, которого на самом деле когда-то сняли с креста подобным образом, услышал сухую ахинею.

– Проклятая мариупольская психушка. Истязатели, палачи с дипломами. Отлежал месяц, выпустили без копейки, а ехать до Белой Церкви. Нужно всего двенадцать рублей пятьдесят копеек на общий вагон. Подайте! Прошу вас! Мне некуда идти.

Благоразумный разбойник, фреска собора Снетогорского монастыря. 1313 год. На этой фреске хоть какое-то сходство есть с тем человеком, что пришел на Пассию в Никольский собор Мариуполя: мука на лице и измождение.

С этими словами тощий хромец повернулся ко мне и протянул руку. Поразило меня не то, что «псих» просил в храме (запрещено категорически), а то, что перед выходом из дома я вдруг услышал голос с иконы.

– Возьми с собой ещё гривну двадцать пять. Отдай.

Сумма, которую я взял с собой, была десятиной от стоимости просимого на билет.

Получив деньги, этот человек внимательно посмотрел на них, словно слово «десятина» были написаны на них невидимыми чернилами. Удостоверившись, что это так, вышел из собора. Он доковылял до прихожанки, повторил ей те же слова и получил ещё гривну или две. Не глядя положил в карман и пошёл дальше. Тут открываются церковные ворота и на своей разбитой машине въезжает батюшка Михаил.

Завидев тачку молдавского попа (тот сбежал из Красного – Приднестровье), хромой направился к ней. Пока он ковылял, отец Михаил вышел из машины, прихватив с собой барсетку.

– Священник! Подайте на дорогу, нужно всего двенадцать пятьдесят на общий вагон – доехать до Белой Церкви.

– Вы знаете, – тут отец Михаил открыл барсетку и внимательно стал рыться в бумажнике. – У меня сегодня нет таких денег. Если можете, придите завтра в это время.

«Вот и очная ставка для страшного суда! – подумалось мне. – Сколько он денег заколачивает на чужой территории, втихую отбирая требы у своих коллег плюс приходской поток»!

Благоразумный разбойник на дьяконской двери иконостаса. Иконописец Московского кремля никогда не видел реального разбойника. Поэтому он писал то, что считал нужным.

Нищий с белым лицом и невыразительными чертами лица остался безмолвен. Он только внимательно посмотрел на батюшку. Как легко ослепнуть от шальных денег! Десятки у того точно была в кошельке. Но он предпочёл пройти мимо, как священник и левит из притчи Господа о самарянине. Те прошли мимо искалеченного странника.

Так наш храм посетил тот, кто висел рядом с Господом и в отчаянии от рек пролитой крови, завопил:

– Помяни меня Господи, когда придёшь во царствие Твоё!

Небесные гости

Подходит ко мне однажды голодный мальчик и просит есть. Всё дело происходило в соборе святого Николая, где с ноября 2001 года стоял на подсвечнике блаженной Ксении Петербургской. Стоишь не пропуская служб. Огарки выносишь, подсвечники драишь, лампадки гасишь после отпуста и всё это по благословению схиархимандрита Зосимы, Никольского монаха, духовника двух епархий.

– Дядь Олег! Дядь Олег!

– Ну, чего ты орёшь?

– Дядя Олег! Я есть хочу!

– Есть хочешь? Иди к батюшке Николаю. Видишь, стою на подсвечнике. Поэтому благословили завтракать на кухне каждый день, а я туда не ходил ни разу. Скажи ему, чтобы тебя покормили вместо Олега. Понял? Дуй на кухню.

Обычно такое поведение у священства называется «быть добреньким за чужой счёт» и вызывает дружный приступ желчи.

Мальчик, у которого ещё две сестрёнки, уходит. Пока его нет, шарю в своих карманах. Пусто. Служба кончилась, свечка поставлена, молебен заказан, денег нет. Прошло не более двух минут. Подходит женщина, суёт мне три вареных яйца. Улыбается, просит взять, хотя знает, что я ничего не беру у старушек в храме. Скрипя сердцем, беру почему-то одно яйцо. Прошло ещё минут семь. Возвращается мальчик. Смотрю на него с интересом.

– Ну, нашёл ты батюшку Николая?

– Ага. Да только там толстая тётка с ним была. Жирная такая. Я кушать прошу, а батюшка отвернулся к стене и молчит, как глухой. А она на меня как вывернется и говорит: Да ты что, нам самим тут нечего есть. Иди отсюда. Мы тут все голодные ходим.

– Так и сказала? – не веря собственным ушам, переспросил его.

– Так и сказала. А сама стоит и смеётся, – подтвердил мальчик.

Гляжу, а на глазах у него слёзы.

– На вот тебе яйцо.

Кладу ему яйцо в руку. Мальчик просиял и его как ветром сдуло. Прошло минуты три. Прибегают две его маленькие сестрёнки и кричат:

– Дядя Олег! Мы есть хотим!

Развожу руками, ища глазами ту старуху, а её и след простыл. Сам с досады на свой идиотизм чуть не плачу. Ну почему я не взял, скот безмозглый, три яйца вместо одного?

Свято-Николаевский кафедральный собор (Мариуполь) на Новоселовке. С этим удивительным собором связаны большинство рассказов этой книги. Attribution-ShareAlike 3.0

С этой кухней, находящейся рядом с панихидной, были связаны ещё несколько похожих и страшных по своей чёрствости моментов.

Где-то в мае девяносто шестого у нас в храме появился батюшка, отец Владимир. Сидел однажды после причастия у панихидной, поджидая его после треб. А тут как раз поминки по работавшей в храме женщине. Собрались все свои да наши. Вошла Вера Николаевна, бывшая когда-то церковной старостой и подруга той «жирной» старухи. Увидев меня, говорит, улыбаясь:

– А чего это ты не за столом? Ты же наш, свой. Иди помяни со всеми. Там и место есть.

– Да нет, Вера Николаевна. Я не ваш.

А сам думаю про себя: «И уж точно не свой!»

Улыбаюсь ей в ответ, но за стол не иду, понимая, что у половины рот перекосит и борщ прокиснет только от одного моего появления. Тут в дверь входит три человека – женщина и двое мужчин. Они встали напротив двери, ведущей в кухню и вид у них был просящих покушать людей. От троицы исходила такая тишина и покой, что невольно мой взгляд остановился на бедно, но очень чисто одетых, людях.

Изнутри эти трое были неземные. Как глянул на них, так и забыл, для чего и пришёл. Царство небесное, хоть помоями тухлыми облей, всё равно благоухать будет! А с кухни, словно что-то учуяв, выплывает Катерина Григорьевна.

– Нет ли у вас трёх кусочков хлебца? – обратилась к ней женщина, от которой исходила удивительная тишина.

– Да откуда у нас хлеб? Нам и самим-то есть нечего, – выкатив глаза, отвечает ей батюшкин бухгалтер.

Только успела она это сказать, распахивается настежь кухонная дверь и красный от натуги Андрей, брат диакона-азербайджанца, тащит огромную кастрюлю, набитую с верхом румяными и аппетитными пирожками.

– Андрей, гони их в шею! Чего они здесь ходят? Нам и самим есть нечего. Гони их! – со стоном напустилась на него Екатерина Григорьевна.

Не успел я опомниться, как проворный азербайджанец ставит в углу панихидной кастрюлю пирожков, и набрасывается на троих нищих, попросивших кусочек хлеба.

– Вываливайтесь поживее. Ну, кому я сказал... – не дожидаясь, стал хватать их за руки и тащить к выходу. Последней ушла эта удивительная женщина, на ходу ещё раз прося Андрея.

– Подайте хоть кусочек хлеба!

– Ты что, плохо слышишь? Нет у нас хлеба, мы сами все голодные.

И с этими словами вытолкнул женщину-тишину на церковный двор.

Ни живой ни мёртвый сижу в углу как молью побитый. Ну и поминки. Нищих выгнали в шею, а сытых накормили!

– Олег, бери пирожок, – вновь появляется Вера Николаевна. – Бери, хоть пирожком помянешь.

– Спаси вас Господи, – вставая и направляясь к выходу, говорю ей. – В следующий раз. Батюшки всё равно нет.

Не дождавшись священника, шёл я по мокрой Новосёловке домой. Вся жизнь человека состоит из очных ставок. Одну из них я сейчас увидел собственными глазами. Тот Свет против этого со счётом один ноль. Он всегда посещает человека, когда его меньше всего ждут.

Не дай Боже так ослепнуть, чтобы Самого Христа в шею гнать! Это Страшный Суд. Всё покажут ангелы-хранители и трёх голодных свидетелей приведут. И никого из батюшек не спросят, сколько они храмов и колоколен отгрохали на чужие чемоданы денег, украденные у полуголодных рабочих.

А третий случай произошёл после слов батюшки Николая, сказанные им на воскресной проповеди.

– Мы кормим всех, – сказал громко, на весь храм, батюшка.

Прошло два дня. Во вторник после молебна ко мне подходят два долговязых юноши и спрашивают:

– Мы с дороги, не ели сутки. Нас здесь не могут покормить?

– А как же! Могут. В воскресенье батюшка Николай сказал на проповеди, что они кормят всех. Идите и попросите их. Знаете, где столовая?

Видя, что они никогда не были на нашем приходе, взял их под руки и вывел из храма, показав куда идти. Прошло минут десять. Ребята приходят обратно.

– Покормили?

Мотают мрачно головами. Нет. Иду вместе с ними прямо в столовую. В столовой повара говорит:

– Нет-нет. Нам строго-настрого запретили кормить чужих.

Тут появляется батюшка Николай. Наши взгляды встретились. Он опускает глаза и быстро говорит:

– Мы их покормим. Покормим.

Молча выхожу из столовки. Время работает не на нас, а против нас. Жизнь – вздох. Время лукаво, говорит апостол. 2008 год.

Пятидесятый псалом

Владимир, инженер-электрик по профессии, частенько вызывался вместе со мной топать пешком после вечерних служб по чёрным новосёловским улицам. Однажды он рассказал мне историю, в которую очень трудно поверить.

Над ним, этажом выше, жила одинокая женщина лет под девяносто. Однажды он услышал звуки передвигаемого шифоньера и просто испугался. Боясь, что старуха останется калекой после таких подвигов, побежал наверх. Девятый этаж. Звонит.

– Помощь нужна?

– Да нет, спасибо, я сама его передвинула.

И показывает на огромный шифоньер, набитый до отказа одеждой.

– Как вы его передвинули? Я мужик, и то вряд ли сдвину его с места, – удивился Владимир.

– Очень просто. Когда я была совсем маленькой, лет трёх, мой отец принялся учить меня одной молитве. Я очень быстро её заучила, не понимая ни строчки. Он всегда говорил мне:

– Моя доченька, где бы ты не была, всегда повторяй вслух эту молитву по многу-многу раз. Она накормит тебя. Научит как поступить. Не оставит в беде и поднимет в болезни. С ней ты никогда не будешь одинока и всегда Господь Бог придёт тебе на помощь. Кто читает её по многу раз в день, всегда будет здоров и счастлив. Я оставляю тебе её в наследство и завещаю всегда повторять её до конца твоих дней.

– И что же это за молитва такая? – спросил я Владимира.

– Пятидесятый псалом.

Раб Божий Иоанн

Трудно одиноким старикам жить в дороговизне промышленного Мариуполя. Пока работал Иван Гусак сталеваром, от друзей и родни не было отбоя. Но вот выгнали и его на «почётный» отдых и остался он наедине с новой своей судьбой – нищетой украинского пенсионера.

Дома не любил сидеть этот общительный и сердечный человек. Да и что делать в квартире, где только старый телевизор и пустые кастрюли. Вдобавок ко всему, жена, повариха в столовой, умерла перед его выходом на пенсию. Домом сталевара очень скоро стали городские улицы и бульвары. Мерил их пешком одинокий Иван по много часов день. Гулял и прогуливался, аппетит нагуливал. Дома-то есть всё равно нечего.

Однажды, солнечным ноябрьским днём, к неприкаянному старику подошла высокая и красивая незнакомая женщина. Приветливо улыбнувшись, она обратилась к нему так, как будто знала его много лет.

– Иоанн, почему вы не поёте в церкви? У вас такой красивый тенор, а вы дома сидите.

– Э! – несколько не удивился этому простодушный Иван. – Кто меня туда возьмёт? У них там хористы по нотам поют, а я нотной грамоты совсем не знаю. По слуху пою.

– А если вас матушка Тамара возьмёт, вы будете ходить в церковь и петь на хоре?

– Конечно, буду, – с недоверием согласился он.

Веры в такое запредельное счастье у никому не нужному Ваньки, как звали его все во дворе, не было. Развернувшись в обратном направлении, спеша пошли они вдвоём в собор Николая Угодника. Но, видно, подслушал их лукавый и вздумал перейти дорогу доверчивому тенору.

Женщина шла очень быстро, Иоанн едва поспевал за ней. На скользкой дорожке поскользнулся и сорвался головой вниз неуклюжий Иван. Новосёловский овраг под дорогой был весь усыпан острыми камнями.

– Быть бы мне на том свете, если бы эта высокая женщина одним мизинчиком не подхватила меня и тут же поставила на дорожку. Она такая сильная, – с уважением добавил Иван.

До этого я слушал его вполуха, но тут уставился на него, как на полного идиота.

– Иоанн, ты не спросил эту женщину, как её зовут?

– Нет. – мотает тот головой.

– И тебя совсем не удивило, что пожилая женщина, такая же, как и ты пенсионерка, удержала тебя на одном пальце и даже не изменилась в лице? Ты же, конь педальный, вешишь килограмм восемьдесят, а в сапожищах все девяносто.

Смотрю, Иван и вовсе смутился, голову опустил. Ему, так и оставшемуся в душе семилетним ребёнком, такие каверзные вопросы совсем не приходили в голову.

– Ну ладно, что дальше-то было? Вы дошли до храма и?

– На пороге стояла и ждала кого-то матушка Тамара. Эта женщина подошла к ней и стала что-то говорить. Матушка улыбнулась мне и говорит:

– Пойдёмте, я вас послушаю.

– И чего дальше?

– Меня взяли в церковный хор, – с гордостью ответил мне Иоанн.

Так несчастного и никому не нужного старика Божья Матерь привела за руку в церковь и оставила на попечении матушки Тамары. Но, как это сплошь и рядом бывает, счастье долго у нищих не задерживается и уходит в неизвестном направлении. Прошло месяца четыре и заболел на глаза новоиспечённый хорист.

Сделали ему операцию. Наложили повязку на глаза, но после уже не взяла на хор раба Божьего Иоанна матушка Тамара, а отправила его во второй дивизион. На клирос. Бесов гонять. Но это уже совсем другая история.

Как Иван Гусак попал в путы Свидетелей Иеговы

С одиночеством мало кто находит общий язык. Скорее наоборот, стараются от него избавиться всеми известными способами. Самый простой – жениться или завести себе гражданскую жену. Женился и Иоанн на пенсионерке чуть младше его. Только вскоре выяснилось – новая половина Гусака Свидетельница Иеговы.¹ И вот началась у молодожёнов совершенно новая жизнь, как две капли воды похожая на старую.

Прошёл «медовый месяц» и молодая женушка перестала пускать к себе нового супруга. По многим причинам. А вместо себя оставила аккуратные стопки «Сторожевой башни» и «Пробудись!». Мол, хочешь стать свободным? Читай! Пробуждайся, а не возбуждайся!

Вскоре Иван вообще перестал заходить в комнату жены. Первым делом супруга выписалась из своей квартиры и прописалась на площади мужа. Потекли годы. И вдруг Иван стал замечать, что в квартире стали пропадать вещи. Вначале исчезли золотые кольца первой жены. Затем испарилась новая стиральная машина, а вместо неё появилась точно такая, только старая и нерабочая.

О! Это было только начало трудного дня. «Пропал» даже серебряный полтинник с изображением Николая II, который Иван подарил сам себе, будучи у меня в гостях.

– Ой! Это мне! Спасибо, как я рад! – и не дожидаясь моей реакции, положил себе в карман.

Когда из квартиры вынести было нечего, кроме грязной посуды и пустых банок для консерваций, Нина принялась трясти своего «заблудшего» мужа.

– Иван! Давай сходим на наше богослужение. И у нас поют. Будешь петь! Тебя у нас сразу оценят. Пойдём, Иван! Там так хорошо, ты даже не представляешь. Да и идти ближе.

Но Иван ни в какую. Лиха беда начало. Перекуковала всё-таки своего благоверного активистка Иеговы и в один из богослужебных дней привела его за руку в залу царств.

Поклонение в зале царств. Португалия. Точно такую же картину увидел и Иван Гусак в мариупольской зале царств.

Пришли. Уселись поудобнее, а никаких песнопений нет и в помине. На небольшую сцену перед всеми вышел молодой парень. Аккуратный костюмчик, галстук.

¹ Здесь и далее – религиозная организация «Свидетели Иеговы» запрещена на территории Российской Федерации с 17 августа 2017 года (примечание автора).

Сначала не обратил на него внимания Иоанн, а когда тот начал читать доклад, обомлел от ужаса.

– Нин! Где у него голова? Голос есть, а головы нет. Где голова у него? – уже во весь голос заявил Иван своей жене.

– Ты что? Ненормальный? Всё у него есть! Это у тебя головы нет. Сиди тихо, слушай, не мешай!

Но Иван ещё раз внимательно поглядел на докладчика – головы у того действительно не было. Стоит молодой человек в отглаженном костюме, галстук повязан, а выше, где должна быть голова, как у всякого человека, ничего нет. Пусто, голос есть, а головы нет.

– Да ты что, Нина, разуй свои глаза! Неужели ты ничего не видишь? У него же головы нет!

Тут Ивану совсем стало плохо от увиденного. Не понимая, что он делает, с испуга завопил на всю залу царств.

– Где у него голова? Ужас какой-то! Кто ж его без головы выпустил на сцену? Это же безобразие! У человека должна быть голова! – зашёлся криком испуганный пенсионер.

Больше терпеть такого идиота никто не захотел. Подняли за белые рученьки молодые парни и вынесли из зала царств. А Нина, сгорая от стыда за своего недотёпу, осталась.

На этом попытки жены украсть единственное сокровище у своего супруга прекратились. Не позволил Бог забрать душу Иоанна и отдать её в преисподнюю. А рассказ о безголовом проповеднике на другой день перекочевал ко мне.

– Иоанн! Может, тебе и вправду всё это показалось? – спросил я старика.

– Да ты что! – горячился Иван. – Бумажку перед собой держит, говорит, а головы-то у него нет. Безголовый он. Одни плечи, а дальше ничего нет. Только голос. Человек-то безголовый совсем попался! Понимаешь? Я чуть с ума не сошёл. Впервые такое увидел.

И обиженный на весь белый свет пошёл восвояси.

Как Божья Матерь спасла хориста от зелёного змия

Много бед пришлось перенести за свою жизнь рабу Божию Иоанну. На третьем курсе десантного училища разбился во время прыжка с парашютом. Госпиталь. Списали через месяц. Закончил техникум. Пошёл в сталевары. Перед самой пенсией обварился во время выброса раскалённого металла. Спину буквально выело жидкой сталью, а все компенсации за него получил кто-то другой. Обычное дело для мариупольского комбината Ильича.

Впереди его ожидали всё новые и новые беды и разочарования: родные дочери забыли о нём, новая жена ждала только смерти, чтобы завладеть двухкомнатной квартирой, в церкви выгнали с хора и отправили на клирос. А на клиросе какое пение. Одни слёзы там, а не пение.

Однажды уговорили Иоанна поехать в Никольское к схииархимандриту Зосиме (Сокур). Повёз его Игорь, заводской бригадир и давний поклонник батюшки Зосимы. Поехали основательно, с ночёвкой. Утром после богослужения около крестильной собралась толпа в несколько десятков человек. Даже для никольского монаха это было много.

Стоят. Ждут. А батюшка не принимает. Нет и всё. Люди ждут, не расходятся. Многие приехали издалека, с детьми и семьями. Подошли и Иван с Игорем. Прошла буквально минута и дверь крестильной отворилась.

На крылечко вышел сам батюшка. И, не глядя на «дорогих» гостей, подзывает к себе Иоанна.

– Раб Божий Иоанн! Да-да, ты. Иди-ка сюда!

И когда, стесняясь такого приёма, Гусак поднялся на крыльцо, монах продолжил.

– Вот у кого душа простая, бесхитростная, без уловок всяких, чистая, как у семилетнего ребёнка! Как я долго ждал твоего приезда. Идём ко мне, Иоанн! А вам всем говорю: зря стоите, сегодня никого принимать не буду.

Преподав такой показательный урок, каким нужно быть христианину, согбенный монах завёл изумлённого Ивана к себе. Посадил напротив, ответил на все вопросы, дал наставления и подарил целый конверт иконок с фотографиями на память. А напоследок треснул его своей монашеской рукой по лбу. Это являлось у отца Зосимы самым большим благословением, в которое он вкладывал всю свою духовную силу.

От себя добавлю, редко кто сподобился получить такое благословение от никольского страдальца. Многие после него исцелялись от безнадежных недугов. Видя всё это, Игорь, который на все лады превозносил и восхвалял батюшку, изменился в лице. Его отец Зосима не принял ни разу. После такого конфуза мариупольского хвалителя между Иваном и Игорем пробежала чёрная кошка.

Прошло много лет. Умер батюшка Зосима, состарился в скорбях и окончательно обнищал Иван, а впереди его ждала новая напасть.

Где-то года за три до войны от Ивана всё чаще и чаще стало попахивать. И не горьким мужицким потом от нестиранной рубашки, а перегаром от самого дешёвого винного суррогата.

– Да это мне для здоровья надо. Аппетит повышает, – хорохорился и злился на меня Иоанн.

Никакие уговоры перестать опрокидывать пластиковые стаканчики с молдавской бурдой действия не возымели. Он упрямо отказывался признать, что пропивает свои последние копейки.

Осталось только прибегнуть к последнему оружию, которым когда-то изуродовал всю мою жизнь игумен Борис.

– Иоанн! Мне однажды в лавре преподобного Сергия один прозорливый монах подарил акафист Божьей Матери. Очень сильный, благодатный, настоящий на молитвах монахов, акафист. Помогает в разных бедах и скорбях.

Вижу, Иоанн загорелся. Помня серебряный полтинник, предлагаю.

– Ну что, дать тебе его на время?

Тот радуется как ребёнок, кивает: давай.

Достаю из нагрудного кармана маленькую брошюрку на грязной, ржавой скрепке.

– Только запомни одну вещь, Иоанн! Больше трёх раз его не читай. Понял? Смотри, это самое главное. Запомнил?

Зная, что произойдёт вскоре, если он прочитает акафист, про себя думаю: «А то костей не соберёшь»!

Через три недели Иоанн превратился в еле передвигающийся костлявый футляр от когда-то здорового человека. Поднялось такое давление, что из дома за хлебом выйти не мог. Теперь вместо одной отравы глотал Иван целые горсти другой – пилюли – дары акафиста в честь иконы Божьей Матери «Неупиваемая чаша». А вскоре о болезни Ивана узнали в церкви. Пришли, принесли продуктов, позвали причастить священника. Словом, дело вошло в русло борьбы с опасной хворью. Места для рюмок не осталось и вовсе.

– Спасибо тебе! Этот акафист спас меня тогда. Если бы не он, я бы умер, – сказал мне измождённый старик.

Проверив чудодейственную силу невзрачной книжки на наивном воине Христовом, в день ангела подарил его священнику с проблемами, что оставил в прошлом раб Божий Иоанн. Но к моему горькому сожалению, опытный батюшка так и не нашёл в себе силы читать этот акафист. Следы этой тоненькой книжки после преждевременной смерти протоиерея затерялись неведомо где.

Сила благословения схиархимандрита Зосимы (Сокур)

(село Никольское, храм святителя Василия Великого)

Приехал к нему первый раз 22 июля 1995 года в Никольское, где он жил и служил настоятелем храма святителя Василия Великого вместе с малочисленной тогда братией. Приехал к концу службы, батюшка говорил проповедь. Завидев меня на пороге храма, прервался и объявил: «К нам приехали прихожане с других приходов», и вновь стал говорить об очень холодной зиме, которая на носу, поэтому нужно побольше делать консерваций. И делиться этим с неимущими. «Эка невидаль», – подумал я и пошёл к его домику занимать очередь на приём.

Но принимать меня никто и не думал. Выйдя во дворик, остановился, не зная, что делать. Стою, расстраиваюсь. И вдруг он появляется совсем рядом со мной. Наши взгляды встретились. Грешного человека, попавшего в водоворот болезней и живого святого, измученного смиренным несением такого креста, что его святость вследствие этого стала неизбежной. Он понял, что от меня не укрылось его духовное состояние и из глаз монаха брызнул стыд. Батюшка буквально сгорал от стыда. Ему было стыдно, что он свят. А раз так, то кто тебя, такого умника, примет. И я пустыми руками вернулся в Мариуполь.

На великий пост, в апреле 1996 года, вновь решил попытать счастье и поехал в Никольское на соборование с прихожанами своего храма. В соборе шла война владыки Ипполита (Хилько) и семьи благочинного, у священников просто не было сил проводить маслособорование.

Я ещё застал время, когда схимник сам соборовал ораву страждущих. Но после меня буквально выперли из приёмной, где батюшку дожидались священники и диакон с матушкой.

– Выйди. Погуляй. Тебе здесь нельзя находиться, – властно заявила послушница.

Спрашиваю.

– Куда, матушка?

– Да хоть в храм, посиди, погрейся. Потом придёшь.

Расстроенный до невозможности, возвращаюсь в пустой после таинства храм. Не успел я сесть поудобнее, вбегает дрожащий от ужаса послушник и умоляющим голосом просит меня помочь вычистить половину подсвечников в храме. Говорю, что никогда в жизни их не чистил.

– Я покажу вам, только помогите. Мне к двенадцати картошку на кухню чистить, я не успеваю.

Соглашаюсь и впервые в жизни чищу подсвечники от воска и масла. Время бежит и я понимаю, что приём у батюшки накрылся окончательно. Но вот всё. Подсвечники чистые. Мы прощаемся. Возвращаюсь к Зосиме. Как только я открыл дверь, на меня с дикой яростью набросилась послушница.

Свято-Успенский-Николо-Васильевский-монастырь. На переднем плане храм святителя Василия и первый по времени служебный корпус, где и принимал в девяностых схимник. Attribution-ShareAlike 3.0. Автор: rsvisual.

– Где вы лазите? Батюшка едва живой и ждёт только вас одного. Его уже кололи.

– Не орите. Подстроили всё, а теперь мозги лечите.

Краем глаз заметил её изумлённый взгляд. Как вдруг раздаётся голос отца Зосимы:

– Пусть войдёт.

Вхожу в крестильную, где за пять лет до меня прошла бездна народа, от нищих и калек до нуворишей-депутатов. Он смотрит на меня и говорит:

– Садись.

Оглядываюсь, куда сесть. Стоят два жёстких кресла с подлокотниками. В одном из них лежит огромных размеров кот, развалившись на всё сиденье. Красивый до невозможности. Дрыхнет, пушистый гад, и во сне то и дело выпускает острейшие когти, так что от желания погладить его не остаётся и следа. Даже во сне было видно: животное с характером.

Этим котом батюшка Зосима расплатился со мной за июльский конфуз. Нечего видеть то, что и так видно всем. А до меня это дошло спустя много-много лет. Вдруг озарило. Да ведь он смеялся надо мной. Фамилия-то у меня самая что ни на есть кошачья – Кот. Коротко и ясно. Так на тебе кота в отместку. Вот вам и обыкновенная батюшкина прозорливость. Но и это не всё. Пройдёт восемнадцать лет и война в Донбассе соединит в убогой колобовской квартире на пять месяцев двух котов, человека и животное, не переваривавших друг друга.

Дальше этого беседа не пошла. На все мои вопросы я получал такие ответы, хоть плач. Под конец «духовного» общения я попросил благословения найти работу и не получил его. Стало ясно – пора убираться. Незванный гость хуже татарина. Поднялся, сказал, что ухожу. Умученный монах только кивнул мне вслед – иди. Я же был на пороге, когда услышал негромкий, но властный голос батюшки.

– Постой. Я жду от тебя озарений. А теперь иди.

Это было мгновение – Зосима открыл своё лицо провидца и тем самым предрёк, что ждёт меня в этом мире. Озарения. Смешно и страшно – одними «озарениями» сыт не будешь. Да и откуда этим озарениям взяться?

Закрыв дверь. Крестильная была пуста. Перекрестился. Расстроенный услышанным, поехал на станцию. Доехал до железнодорожной станции Великая Анадоль, купил билет на электричку. До поезда оставалась ещё время. Вышел на перрон. Ледяной ураганный ветер чуть не сбил меня с ног. Прошлогодние листья и пыль закручивались вихрем в спираль и танцевали свой колючий танец. Посмотрел в сторону путей. До поезда оставалось с полчаса. Уходить в холодное здание станции не хотелось.

Танец листьев и пыли приближался ко мне. А дальше в какое-то мгновение он приобрёл ярко выраженную враждебность. Пыльный столп поднялся в воздух метров на пять-шесть. Из него показалась прозрачная рука с зажатой кистью в кулак, точно как в фильмах про невидимку. Я почувствовал нечеловеческую злобу, исходившую от этой руки.

Столп поравнялся со мной и острая боль пронзила глаза – эта прозрачная рука, оказывается, может действовать как настоящая. Она с непередаваемой яростью швырнула в меня горсть пыли и песка. От неожиданности стало страшно. Я внезапно ослеп от пыли и песка. А когда боль прошла, вихрь был далеко. Ошарашенный такой атакой, не знал, что и подумать. Это как полтергейст какой-то.

Показалась электричка. Расстроенный, с красными от пыли глазами, поехал восвояси. Только спустя долгое время до меня дошло. Эти странные слова, сказанные батюшкой Зосимой на прощанье, и были его благословением. И за то, что я искал его, не думая ни о чём другом, получил пылью в глаза от злобного духа, не желающего исполнения правды Божией.

Тогда, в далёком 1996 году, мне и в голову не могло прийти, что озарение обязательно со мной случится. И не одно. В 2012 году, тридцатого апреля, в день памяти преподобного Зосимы Соловецкого (небесный покровитель батюшки) я сидел на лоджии и писал главу о Великом потопе.

И вдруг со всей ясностью до меня дошло – да это же и есть причина возникновения тотемизма. Только на ковчеге с командой из восьми человек мог произойти разительный сдвиг в мышлении и представлении об окружающем их мире. На воде остались в живых только они, семья Ноя и животные, значит мы все – братья, родня, одна кровь! Это и был момент рождения явления, которое мне навязали вместо обычной дипломной осенью 1991 года.

Старец Зосима был великим прозорливцем. Для того, чтобы его благословение не стало талантом, зарытым в землю, а дало плод, силою своих молитв в январе 2001 года, как бы случайно, ставит меня в помощь старушке с подсвечника прав. Иоанна Кронштадтского.

Вместо академий и научных центров – подсвечник. Вместо экспедиций и раскопок – грязная масляная тряпка. Вместо научных диспутов и библиотек – Слово Божье и Евангелие. Вместо научных степеней и званий, славы и научного признания – поношения и насмешки. В его слове жил Бог.

Правда, это только легко писать «поставил на подсвечник». В те времена, уже былинные, на каждом подсвечнике стояла благословлённая настоятелем старушка, а за ней тихо приглядывали две сменщицы, смирно ждущие, сами понимаете, чего. Однажды я стал свидетелем, как между «молодухами» возникла ссора из-за того, кому сегодня стоять на подсвечнике вместо главной. Они вежливо лаялись, словно это был не подсвечник, а молодой жеребец, на которого обе положили. «Мне никогда не светит встать на подсвечник в таком храме, хоть Зосима и выгнал чистить их», – подумал, проходя мимо них. Подумал и забыл.

Прошло порядком времени. Шло лето 1999 года, как внезапно в храме побелела Почаевская икона Божией Матери. Причём настолько явственно, что прихожанки стали шушукаться, тыкать пальцами, пока настоятель, глядя на икону, не объявил, что отслужит ей после литургии водосвятный молебен.

Молебен это действие в пространстве и во времени силы Божией. Как спусковой крючок ружья. Нажми и будет выстрел. Батюшка Николай при большом стечении прихожан отслужил молебен. «Мушкет» схиархимандрита Зосимы сделал выстрел.

Вскоре после молебна прихожане стали замечать, что старушки-одуванчики-главные, и за ними и первые сменщицы, стоящие на подсвечниках по будням, как-то быстро стали умирать. Одна за другой – за год с небольшим я насчитал семнадцать трупов и сказал об этом старшей, Анне носатой. Но она, возмущаясь, возразила мне:

– Какие семнадцать. Не семнадцать, а двадцать одна отправилась. Вон, последнюю три дня назад отпели.

Мы переглянулись и расхохотались. Не слишком высоко ставил Вседержитель безумие прихожанок, по собственному хотению берущих, а точнее, из глотки настоятеля рвущих «благословение» на непонятно что, зачем и почему.

Летом 2001 года на десяти подсвечниках собора стало пусто, как сегодня в зоне АТО после «Градов» и «Ураганов». Не то, чтобы стоять во время службы, а убирать подсвечники стало некому. Не долго думая, взял тряпку, зубной порошок и стал драить по подсвечнику в день.

Не прошло и года, как в храме святителя Николая Чудотворца на долгих восемь лет появился волонтер, убирающий и чистящий подсвечники.

Позволь мне дать тебе три совета

Однажды, где-то в 1999 году, после долгих упрасиваний, зашёл в гости к знакомой прихожанке. «На чай». Прозвал её за глаза Людмила с палкой. Была она своеобразной православной попрошайкой. Умела выпросить, умела и подать, но большую часть добычи оставляла себе. Водилось у ней много православных книг. Из-за чего я и пришёл к ней в гости. Выбрал несколько, поблагодарил и отправился домой.

Книги уже ждала моя мама, большая любительница подобной литературы. Прочитала и забыла. Настала моя очередь. Последняя из трёх книг была о схиархимандрите Троице-Сергиевой лавры Зосиме (Захарии, 1850—1936).² Это были неполные и отрывочные воспоминания духовных чад монаха, сестёр Екатерины и Елизаветы Висконти. Крупицы правды потрясли меня.

Один порядочный монах среди стаи озлобленных и недалёких рясоносцев до и после революции. Лавки, торг, тайные жёны, куча незаконнорожденных детей лаврских светочей – это до. А после нищета и скитания по чужим углам. Но даже такие скорби не смогли заглушить злобы братии к честному несению креста отцом Зосимы. Рождённый по плоти всегда будет гнать рождённого по духу.

Посмотрел на книги и стал собираться к Людмиле. Пора возвращать. Внезапно сильная слабость сделала ватными ноги. Лёг, взяв в руки книгу о старце Зосиме. Смотрю на него. И вдруг книга заговорила человеческим голосом: **«Позволь мне дать тебе три совета».**

От такого поворота дел стало не по себе. Так ведь сейчас никто не говорит. Старомодно. Подумал: «Вот и бесы книжные по мою душу заглянули». Лежу. Не знаю, как поступить. Позволить? Не позволить? Смотрю на книгу. Решился.

– Хорошо, – говорю. – Давай!

Книга вновь заговорила человеческим голосом:

– **Чисто молись.**

И снова после первого совета тишина. Говорю голосу: дальше.

– **Не смори на женщин.**

А последний оказался самым странным для меня.

– **Терпи поношения.**

Тут от обиды за мою изнурительную болезнь и полную немоту меня словно прорвало. И пока Голос не ушёл, заявил ему горькую свою обиду на холостяцкую жизнь.

– Я жениться хочу.

Этот незапланированный вопрос несколько не удивил истинного прозорливца.

– **Господь воздвигнет тебе жену,** – так же спокойно ответил мне Голос.

Позже я много раз сравнивал советы небесного старца, ставшего таким ещё при жизни и советы игумена Бориса, архимандритов: Наума, Зосимы, Амвросия и многих после них. Это небо и земля. Они не знают, что сказать. Гоняют человека на службы, изучают, подмечают, подстраивают разные ситуации, чтобы человек проявился, а толку никакого. Их советы привели к тому, что мы с мамой остались без крова. А ведь делали всё, как благословил батюшка.

² Старец Захария. Схиархимандрит Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Житие, подвиги, чудеса – Сост. Губанов В. А. – М.: Паломник: Глаголы жизни, 1998.

Часовенка схиархимандрита Захарии на Введенском кладбище Москвы. Attribution-ShareAlike 3.0

С того момента прошло семнадцать лет. Я по-прежнему **нечисто молюсь, смотрю на женщин** и так и не научился **терпеть поношения**.

Маслины

В 1997 году диакон Гавриил предложил мне поехать по святым местам. Дело душеспасительное, но ехать не хотелось. Было ясно, что не зная обо мне ничего, благочинный и его зять решили меня толком изучить за неделю тряски в старом «Икарусе». Авось что-то и проявится. Всё по методикам наших благочестивых старцев.

Первым делом приехали мы в Оптину. К этому времени трудники и монахи разгребли грязь, отстроили храмы и вывезли сотни тонн мусора. Впереди песчаная дорога к понтонному мосту и раздавленные гадюки под колёсами автобусов.

Пока моя группа осматривала храмы, спустился в подвал, где монахи открыли большую книжную лавку. Здравуюсь и не разглядывая книги, спрашиваю монаха-продавца «Поучения Силуана Афонского» с полными комментариями Сахарова. У меня три одинаковых благословения монахов-духовников на покупку и постоянное чтение этой книги. Причём я его не просил. Мне его дали. А раз дали, духовное чадо должно его исполнить. Помню, тогда очень удивился, что не сговариваясь, независимо друг от друга, три совершенно разных священника дали мне одинаковое благословение.

Услышав, что просит заезжий профан в духовной жизни, берёт великолепно изданную книгу и швыряет её мне. Именно швыряет, а не даёт. В глазах просветлённого застыла такая презрительная порция ненависти, что от неожиданности я застыл. Спрашиваю, сколько? Плачу, книгу под мышку и бегом наверх. Эта ненависть так и осталась на книге. Терпел я её, терпел и в итоге подарил прихожанке нашего храма. Она очень хотела иметь у себя дома поучения старца Силуана. Моё первое знакомство с Оптиной.

Посетив все храмы, незаметно приблизили время обеда. Диакон привычно ведёт нас в трапезную для мирян. Пришли. Очередь. От усталости суточного переезда есть не хочется. Наконец разрешают зайти и нашей большой группе. Проходим на второй этаж за столы. Молитва, благословение, обедайте. На белых скатертях домашний творог, сметана, ещё что-то и маслины. Не просто маслины, а огромные чёрные маслины. Много. Полная миска роскошных и уже подзабытых мною маслин стоит передо мной. Как я давно их не ел! Аппетит появился мгновенно. Беру ложку и от жадности кладу себе полную тарелочку маслин.

Преподобный Силуан Афонский. Фото 30-е годы XX века. Public Domain.

Монах читает поучения. Чьи, то мне неведомо. Не до поучений. Маслины так и трещат у меня за ушами. Ем, ем. Как вкусно! Наслаждение, а не еда – маслины с чёрным хлебом. Но вот чтец прочитал главу и нас поднимают из-за столов. Меня как по губам ударили. Тарелка с мас-

линами осталась почти нетронутой. Только ведь начали трапезу и уже подъём. В армии и то время больше давали. Вновь молитва. Спускаемся вниз. Несолоно хлебавши, стою на солнце-пёке.

После водных процедур уже по-настоящему хочется есть, а до ужина далеко. Иду со всеми в храм, где покоится преподобный Амвросий. Наклоняюсь перед его ракой и жалуюсь: не наелся, так хотелось маслин, забрали прямо изо рта!

После вечерней ужин. Нас вновь заводят на второй этаж. Молитва, благословение. Садимся. Рядом со мной вновь полное блюдо маслин. Наши на них не смотрят. Ищут на столе что посытнее. Теперь беру только ложку маслин. Всё равно сейчас выгонят. Здесь есть не дают, только дразнят! Ложку съел быстро, чтец ещё читает. Осторожно беру ещё. Ложку. Съел. Беру ещё одну. Наконец понял: маслинный голод остался в прошлом. Оглянулся на чтеца. Тот почему-то начал читать новую главу всё тех же поучений.

Прикидываю, что ещё можно съесть за это время. Нашёл пробойную икру минтая. Намазал хлеб сливочным маслом, сверху, не жалея, икрой. Сажу, слушаю, пью чай. Как только сделал последний глоток чая, чтец закончил вторую главу. Удивлён такой щедростью. Понимаю – теперь я точно наелся. Выходя из трапезной, обращаюсь к чтецу. Спрашиваю, что он читал? Тот отвечает:

– «Моя жизнь во Христе» святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Созревшие оливки на ветке.

Почему-то на монахе лица нет. Похоже, ему стыдно. Может, в его келью пришёл преподобный и дал ему взбучку? Мол, чего ты людей заставляешь давиться? Сам-то ешь не спеша.

Вновь мы на улице. Нам через час уезжать. Не смотря на группу, иду в ещё открытый храм. Припадаю к мощам батюшки, благодарю его за невероятный приём, подарки, благословения, источник и роскошный ужин. Откуда может знать батюшка Амвросий, что я не прочь угоститься маслинами? И не обязательно чёрными. Говорю батюшке: чтец в трапезной исправился и дал всем поесть вволю, больше его не наказывай.

Так принимал нас в Оптиной преподобный Амвросий (Гренков).

Но и это не всё. На самом деле ходил я жаловаться не преподобному Амвросию, а преподобному Иосифу (Литовкину), о котором тогда ничего не знал. При открытии мощей могилы святых перепутали. Если хотите, так Господь указал на праведность этого святого и явное нежелание быть выкопанным преподобного Амвросия. Силы молитвы святых отцов хватило на то, чтобы навести слепоту на нетерпеливых искателей мощей. Вырыли Иосифа, а преподобный

Амвросий остался лежать в земле. Но услышал меня именно батюшка Амвросий, хотя в соборе его и близко не было. Это ли не чудо!

Юродивые

В сентябре 1993 года мне пришлось ехать в Москву из-за своих бумаг. После приёма поехал на Тверской. В здании Почтамта «международные» переговоры были очень дешёвыми. Заказал Мариуполь и вышел на овальной формы площадку. Место было не простое. Напротив перед переходом располагалась остановка для московских школьниц, после уроков подрабатывавших своим телом. Отсюда их увозили в притоны для кавказцев. Стою, смотрю, как на глазах у всех ученицы превращаются в уличных шлюх по вызову.

В это время по лестнице на смотровую площадку неторопливо поднимается необычно одетый мужик. Поверх белоснежной сорочки интеллигента на нём ватник чёрного цвета. Он останавливается напротив меня. Прошла минута и того начинает трясти от неопишуемой боли. Судорожно срывает с себя одежду: летит ватник, рвутся с мясом пуговицы на рубашке, скидываются портки. Он не успел даже сесть на корточки по нужде, как с него полилось. Опорожнился прямо на площадку. Лицо этого мученика стало белым как снег.

Посреди Тверского стоит совершенно голый мужик. Под ним куча. До Кремля десять минут ходьбы. Но вот появляется полицейский – исправлять ситуацию, хватает того молча за локоть и куда-то уводит. Голый босой мужик покорно идёт с ним. От увиденного я ещё долго не мог прийти в себя. Что это могло значить, понять было невозможно.

Прошло шесть лет и такая же кошмарная боль с такими же последствиями обрушилась на меня во время ночной рождественской службы 1999 года. Называется эта мука «афонская болезнь», ею расплачиваются бесы за подвижничество афонских монахов. Но я не монах и не подвижник. Такая редкая напасть может коснуться и обычного человека, если найдётся умелец, знающий суть «предания сатане во измождение плоти». Или, попросту говоря, имеющих власть над бесами.

Той холодной осенью девяносто третьего я впервые в своей жизни увидел настоящего московского юродивого. А с московской юродивой познакомлюсь через год в лавре преподобного Сергия. Звали её Лидия. Она была слепа на один глаз. С ней была связана одна забавная история.

На новый, 1995 год, мне пришлось всё-таки поехать к Науму (Байбародину), уломал меня мой духовник. Тогда я и познакомился с его напарницей, одетой как бедная нищенка. Мне не нужно было объяснять, кто передо мной, вопрос был в том, как она себя поведёт по отношению ко мне.

Через пару дней жительства в лавре мне почему-то стало жалко придурочно бегавшую во дворике женщину. На следующий день после службы иду к нему во двор приёмной. Лидии ещё нет. Роюсь в своей сумке, вынимаю три печенья. Думаю, подам ей сейчас. Как вдруг открывается входная калитка и в проходе появляется Лидия. Ба! Какие три печенья! Я от неожиданности дар речи потерял. Прямо навстречу мне идёт юродивая. Но как она одета! Норковая шапка, роскошное новое пальто, приличные женские сапожки, перчатки на руках. Дошла она до меня, а я ей три печенья, как побирушке какой-то в руки сую. Угостись, милостыньку прими, почавкай.

Увидев в моей руке печенье, Лидия мгновенно скорчила рожу обиженной боярыни. Налившись неземным высокомерием, брезгливо поглядела на недоумка.

– Ты кому подаёшь? – и отведя мою руку в сторону, величаво прошествовала на своё рабочее место. Бесов гонять, людям помогать и за мной наблюдать! Не часто её видели такой, какая она есть.

Через полгода я вернулся больным домой. Прошло несколько лет и я заметил маленького роста женщину. Звали её Людочка. Она была духовной дочерью отца Николая, и точно как Лидия, по благословению, взяла на себя тайный подвиг юродства.

Мне она буравила всякую дребедень, но однажды Бог показал мне, на что способны Его юродивые. Под воротами храма святого Николая по воскресеньям и праздникам сидели в ряд пять-семь нищих. Слово «нищих» можно смело брать в кавычки. Все они имели пенсию или группу, а сиденье у входа было второй натурой этих людей.

Меня они считали за церковного дурачка – ушёл с работы и трёт подсвечник – значит свой. Церковную службу на своём языке они звали «шоу». Иногда просили помолиться. Иду утром. Лето. Жара. Команда в сборе. Смотрю, рядом с ними примостилась «просить» Людочка. Ну, думаю, это неспроста. На меня грустно смотрит печальными глазами старуха у двери.

– Олег, ты на службу?

– Да.

– Помолись за мою внучку. Не может родить. Говорят, патология – очень узкий таз. Кесарить денег нет. Помолись.

– Хорошо, поставлю свечку.

В храме ставлю за внучку свечку и прошу Бога помочь ей. Прошло немного времени, а я со всего размаха как в стену врезался. Э! Да её всей церковью не вымолить. Одни грехи. Только лоб впустую разбивать.

Выхожу со службы. Все на своих местах. Выкладываю ей прямым текстом «отчёт о проделанной работе».

Говорю.

– Что можно было сделать такого, что кругом, куда не кинь, стена грехов. Мне её не вымолить. Ищи деньги на кесарево. Если бы она лежала у мамы, ей бы всё сделали за так.

– Она в городском лежит.

– Ну так ищите деньги.

Прошло дней шесть. Снова вижу эту нищенку. Спрашиваю, как внучка. Родила?

– Весь роддом удивился, лежала она, лежала, а на третий день как что-то сдвинулось у ней. Ребёнок пошёл и она сама родила. Никто поверить не мог. Все говорили – вот это да!

Ого! Как Людочка молится. Сидела, слушала. На ус мотала и на тебе, девка родила. Так Бог показал силу тех, кто отверг себя ради других.

Осенью 2008 года Людочка пришла в храм с пластиковым пакетом в поддержку Януковича. Другой рукой она держала его фотографию в рамочке с траурной ленточкой на углу. Для пущей важности повязала на голову чёрный платок. Прибежала матушка.

– Людочка! Да ведь человек живой! – с нежной укоризной в голосе увещевает блаженную всё понявшая жена священника.

До его падения было ещё шесть лет.

За два года до моего умирания в нефрологии, Матрона Московская зримо появилась в Мариуполе. Вместе с Людочкой. Был один из понедельников конца июня 2007 года. В этот день приступ рвоты заставил меня снова колесить по всем церквям, заказывая литургии о здравии «болящего Олега».

Первой была Спасо-Преображенская церковь на Черёмушках. Икона «Нечаянная радость». Когда-то молитва и свечи у этой иконы спасли мою маму от погромной проверки и увольнения в роддоме. Ставлю ей свечи. Еду дальше.

Свято-Никольский храм возле Приморского райисполкома. Икона блаженной Матроны. «Стой и молись», – как бы говорят глаза блаженной. Стоял возле иконы больше часа, прося хоть немного ослабить приступ рвоты. Но помощи нет. Заказав литургии, еду на маршрутке дальше. Вдруг на одной из остановок заходит блаженная Людочка. Тащит за собой грузную развалившуюся старуху с закрытыми глазами. Та тяжело дышит, задыхаясь как астматичка.

Машу радостно Людмиле руками, мол, давай сюда, место свободное есть. Людочка сажает старуху напротив нас, а сама садится рядом со мной.

– Кто это? – спрашиваю, зная, что родителей у Людочки нет, умерли. Живёт вместе с тёткой, та неверующая.

– Мама, – благоговейно отвечает блаженная.

Этого хватило, чтобы я зацепился глазами за эту «маму». Лицо только что виденной мной иконы блаженной, только глаза полужакрыты. Они зрячие, но, по-моему, той совсем не нужны. Она и без них хорошо видит.

– Людочка, откуда вы?

– С семнадцатого микрорайона.

– А там чего делали?

– Яму сегодня вырыли.

– Какую яму? – от неожиданности похолодел.

Она это так сказала, что я, забыв про всё на свете, стал её расспрашивать. Оказалось, сегодня утром отец Гавриил отслужил молебен и освятил котлован под церковь. Мы ещё поговорили о местах, пригодных под храмы в городе и они вышли на собесе. Как только мы с мамой исчезли из Мариуполя, протоиерей Гавриил снял все архивные фото с приходского сайта, в том числе и «освящение ямы».

Всё это время я не спускал со старухи глаз. На ней было открытое старомодное платье, на груди креста нет. Вместо православного креста вся «площадь» была занята очень крупными аляповатыми нитками искусственного жемчуга. Посчитал. Пять ниток пластмассового ширпотреба. Они, увеличиваясь размером к центру, как раз надёжно прикрывали то место блаженной, где у ней был выпуклый врождённый крест.

«Да, умеют наши святые шифроваться под увечных, – думал, глядя на нитки „жемчуга“ на шее небесной гостьи. – Ну и „мама“ у Людочки. Сама Матрона блаженная. Чудотворница Московская!» После той маршрутки я больше года не видел блаженную.

А на меня как наехало. Я стал поминать во всех церквях родителей Матроны, Дмитрия и Наталию.

Чудо святителя Игнатия Мариупольского (Гозадини)

Шёл третий год, как я не ел живых овощей и фруктов. Живот периодически (через день) устраивал мне харакири, от которых темнело в глазах. И это помимо непрестанных болей в кишках. Все деньги, которые попадали к нам с мамой, уходили на йогурты в капсулах, бифиформ из Дании по немыслимой, для учителя, цене. А без них мне грозила мучительная смерть. Мы только что не голодали, но в душе была пасха. Бог вывел меня из торгового техникума.

За год до свободы, которая тогда казалась мне чем-то запредельно невозможным, учебным планом поставили провести или открытый урок или открытый классный час. Выбрал второе. Легче. А из всех тем подходящей показалась одна-единственная: «Святитель Игнатий (Гозадини) и греки Приазовья».

У диакона Гавриила выпросил кассету с канонизацией святителя, студенты принесли видеоплеер. Телик, который у нас стоял дома как инвентарь с того света, пришёлся как нельзя кстати. В моей группе было несколько гречанок. Именно они и взяли на себя первые роли рассказов о жизни святителя. Остальное, хоть и нехотя, разобрали мальчишки.

Настал день классного часа, посвящённого памяти святителя. В этот день на техникум неожиданно-негаданно свалилась высокая комиссия из Киева. Раиса Николаевна, завуч техникума, приказывает без неё не начинать. Сама бежит вниз, встречать «гостей», после которых можно остаться без лицензии на право преподавания.

Митрополит Игнатий Мариупольский. Мариупольский краеведческий музей. Автор: неизвестный художник. На митрополите бриллиантовая панagia, подарок императрицы Екатерины II. Бессовестно украдена после смерти владыки теми, кто засыпал помоями его могилу.

Не знаю, почему, но я её послушался. Закрыв дверь на замок, начали без неё. Говорили о кресте святителя, переходе греков из Крыма в Мариуполь, ужасах неизвестной эпидемии, смотрели прославление в кафедральном соборе Мариуполя. Объяснял, отвечая на вопросы, как называются одежды епископов, что они делают на службе. Час прошёл как мгновение.

На другой день завуч вызывает меня с материалами и сценарием классного часа к себе.
— Я так поняла, вы всё провернули без меня?

– Раиса Николаевна! Да ведь вы комиссию встречали.

– Могли подождать минут десять. Ничего бы с вами не случилось. А так, никого не пригласив, никто у нас не делает. С вашей стороны это просто хамство и дикость. Проведение мероприятия не засчитываю. Можете идти.

Молча захожу к завучу по учебной части, Валентине Харлампиевне. Здравуюсь, спрашиваю, как комиссия?

– Олег Степанович! Вчера с ними такое было, что я чуть с ума не сошла. Десятки комиссий встречала, но такого ещё не видела.

– Что, кранты? Нас закрывают? Лицензию не подтвердили?

– Наоборот. Они вошли в холл, сняли головные уборы, и вдруг замерли. Стоят как вкопанные, озираются, не знают, что делать, а дальше как выдадут.

– Как у вас тут хорошо. Просто рай. Душа как в царствии небесном. Давайте ваши бумаги, мы их вам подписываем на «отлично»! Как у вас здесь здорово. Мы никуда не идём, смотреть ничего не будем. Всё, мы уезжаем!

Разворачиваются и напрямик к выходу. Я, побелев, хватаю их за руки, кричу:

– Что вы делаете? А контрольные срезы? Студенты ждут. Мы вас отсюда никуда не отпустим. У вас три дня. Вы что?

Едва их уговорила. Повела к себе, затем по техникуму, достала всю документацию, говорю:

– Хотя бы документацию посмотрите. Может что-то не так?

А они не хотят, краем глаза глянули и всё твердят:

– У вас тут рай. Нам здесь так хорошо. Мы домой едем. Документы безукоризненны. Спрашиваю.

– Где они сейчас?

– В гостинице. Едва уговорила их остаться на сегодня, хоть пару срезов провести.

– Валентина Харлампиевна? В котором часу на них нашло-наехало?

– После большой перемены, на классном часе.

Смотрит на меня, глаза круглые от удивления, ничего не понимает, смеётся. А у меня ужас в душе. Мы о страданиях гонимого и всеми ненавидимого святителя говорим, чин прославления крутим, а внизу митрополит Готфрейский и Кафайский Игнатий Гозадини сам лично принимает в раю дорогих гостей из Киева. Ни слова ей не говоря, иду к себе на лекции.

Наждачка

В сентябре 1996 года по благословению батюшки Николая (Щелочкова) я устроился на работу в школу при ИТК.

– Благословляю тебя не только учить, но и лечить детей. Иди и работай с Богом! – сказал на прощание добрый пастырь.

Слова о лечении заключённых меня удивили. С чего бы это? Учить и лечить разные понятия. Но вскоре они полностью исполнились.

Я попал в специфические условия школы для особо опасных преступников. Их собрали в ИТК посёлка Каменск со всей Украины. Мальчишки в седьмом классе не могли толком прочитать отрывок из учебника по истории Украины. У меня в кассе был всего один мальчик, который мог грамотно и членораздельно прочитать любой текст. Учебников не хватало, приходилось чередовать рассказы с чтением отрывков домашнего задания.

– Дима, прочитай нам этот абзац, – попросил ученика в рабочей спецовке.

Но тот не отрывал головы от парты.

– Дмитрий! Я к тебе обращаюсь, – подхожу к парте.

– Олег Степанович, не могу – глаза болят, ничего не вижу.

– Ну-ка, посмотри на меня.

На меня смотрят красные, воспалённые глаза. Спрашиваю:

– Чем ты их замастырил?³

Класс тут же взрывается хохотом.

– Нулевой наждачкой.

– Зачем?

– Я потом скажу.

– Да он на больничку собрался, – смеются одноклассники.

– Ты что-нибудь видишь?

– Смутно. Читать я точно не могу. Глаза режет так, что сегодня вообще не заснул.

– А в санчасти что сказали?

– Ничего. Как увидели, так сразу выгнали. Сказали, чтобы шёл в отряд. Им мастырщики не нужны.

– Завтра у нас нет уроков, а послезавтра перед уроком приди ко мне. Ты мне будешь нужен. Понял. Если меня не будет, стой на перемене у каптёрки.

– Хорошо, Олег Степанович.

Я забыл слова батюшки, но что делать, знал совершенно точно. Дома у меня стоял набор для крещения. Его привезли из Иерусалима. Святая вода, елей, земля и свечка. Через день мальчик стоял под дверью нашей раздевалки.

– Заходи.

Вынимаю масло и вслух громко произношу.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа помазуется раб Божий Димитрий...

Не успел я помазать, как открывается дверь и входит завуч школы Александр Петрович. Увидев бутылочку с крестом, кисточку и услышав «религиозный дурман», да ещё где? В светской школе, завуч взвился и открыл рот.

– Что вы себе позволяете, Олег Степанович. У нас для воспитанников работает прекрасная санчасть. Заниматься самолечением в стенах колонии строго-настрога запрещено. Вы меня слышите? Это нарушение преподавательской этики.

³ «Мастырка», «мастырить» наносить себе искусственные увечья, уродства для собирания милостыни или отправки в тюремную больницу. Примечание автора.

Но я не думаю его слушать и смотреть в рот. В то мгновение он был для меня пустым местом. Дело начато во славу Божию, во славу Божию оно и должно закончиться. Не обращая на него никакого внимания, трижды мажу воспалённые глаза арестанта оливковым маслом.

– Аминь. Не смывай масло, оно само сотрётся за пару часов. Иди на урок, – отпускаю ученика.

А в каптёрке должен был начаться грандиозный скандал. Но от увиденного завуч лишился дара речи. Он обалдело глядел то на кисточку, то на бутылочку в моих руках. «Предметы религиозного культа» в «его школе» вызвали у Александра Петровича временный паралич речевого центра. Завуч был сыном полковника КГБ и 100% атеистом. Наконец, придя в себя, Александр Петрович произнёс.

– После уроков зайдите ко мне в кабинет.

Диму я не видел два дня. Выходные. А когда увидел, не поверил – его глаза были совершенно здоровы.

– Олег Степанович, спасибо вам огромное. У меня всё прошло. Вечером я лёг спать с больными глазами, крепко заснул. А когда проснулся, глаза стали как раньше. Вся боль и краснота исчезла. Я всё вижу.

– Дим, я тебе говорил, это масло с гроба Господня в Иерусалиме. Бога благодари. Это его работа. А когда выйдешь, поставь Ему свечку в церкви за то, что не ослеп.

– Хорошо, я так и сделаю.

– Не забудь. Хорошее быстро забывается. Но Бог тебя точно не оставил.

Через год я уволился из колонии. Инициатором перевода в торговый техникум стал протоиерей Николай Марковский и диакон Гавриил (Агабеков). Вдвоём они уговорили меня уйти из колонии. Им очень не нравилась моя спокойная и благословлённая протоиереем Николаем Щелчковым работа. За мной захлопнулась массивная железная дверь. Остались строчки, которые можно написать только на зоне.

Свет обрезан у глаз

Тишиною свинца.

И от тяжести век

Онемела душа.

Матушкины бриллианты

Отец Леонтий очень любил свой храм и прихожан. Он всегда старался порадовать их каким-нибудь сюрпризом. В марте 2010 года в Свято-Михайловском кафедральном соборе города Мариуполя объявили о приезде мощей блаженной Матроны Московской. Везли их издалёка. Частица её руки (десницы) покоилась в Северодвинске.

В день приезда мощей в соборе собрались сотни людей. Остальные выстроились в очереди на аллее, ведущей к собору. Приехал на Левый берег и я. Народу много, захожу в притвор. По углам сидят матушки (жёны священников), на раскладных столиках продают свечки, масло, иконки Матронушки. Выбрал где поменьше людей, занял очередь. Выстоял, наклоняюсь к окошку, говорю:

– Матушка, дайте то и то, – перечисляю.

Как вдруг мой взгляд остановился на пальцах матушки. О-го-го! Мои глаза ослепило от игры настоящих бриллиантов. На обеих руках красовалось не меньше пяти перстней и колец с бриллиантами и бриллиантиками.

Кольца Лорелейн Шварц не дают покоя мариупольским матушкам.

Я посмотрел на женщину. Наехало, что ли? На кой продавцу церковной лавки, находясь на послушании в храме, надевать весь свой ювелирный запас? Понятно, обручальное колечко, хоть из платины, не в счёт. В недоумении достал деньги, расплатился, вышел из очереди.

По углам, где сидели ещё две матушки, образовался зазор. Обычно в такие дни в книжных развалах можно найти что-то поинтереснее. Втиснулся в очередь и стал разглядывать книжки. Но и здесь тоже самое. Обе руки матушки излучают алмазные брызги. По три кольца на обеих руках.

Выбрался из очереди и теперь уже ради любопытства иду к третьему столу. Там сидит совсем ещё юная матушка. Встаю на цыпочки, перегибаюсь через очередь и теперь уже ради интереса ищу взглядом руки попады.

Меня начинает душить смех. Третья матушка, видно, совсем недавно включилась в алмазный марафон. Не отстать бы от наперсниц! Всего четыре кольца с бриллиантами.

Смотрю на всех троих. А они словно ослепли. Торгуют по немыслимым ценам, на очередное колечко деньги прикладывают (что ты, себе – ни-ни, на отопление храма).

Ну и Матрона! Чудотворица! При её появлении одни молиться начинают, другие бриллианты выставляют напоказ. Самое обидное, если жёны батюшек прочитают этот короткий рассказ, тут же перейдут в наступление.

– Клевета! Никто из нас отродясь бриллиантов-то не видал. Живём в нищете, нужде, чёрным хлебом с квасом перебиваемся. Какие могут быть бриллианты, когда кругом война идёт.

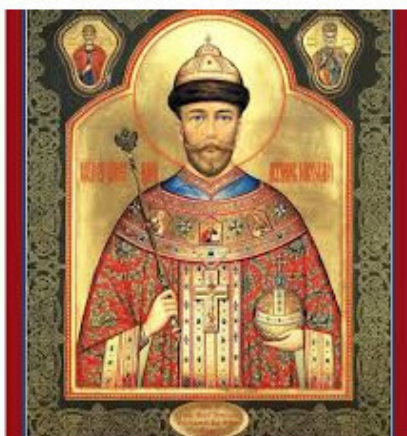
Или скажут: это всё мамино (перешло по наследству). Или: да, были бриллианты, остались от мирной жизни, но мы их проели.

Она и на самом деле идёт, эта древняя война человека с Богом.

Гвоздь

В 1999 году 14 июля я получил из США пять бумажных икон царя-мученика Николая II. Отправили их второго июля в день памяти святителя Иоанна Шанхайского. Три большие и две поменьше. Они лежали в огромном жёлтом конверте без письма.

Тогда купить готовые рамки со стеклом была проблема. Пришлось, болея желудком, из последних сил делать всё самому. Столярничал на балконе, и не заметил, как длинная рейка с торчащими гвоздями упала на пол. Уходя с балкона, я встал босой ногой прямо на гвоздь. Меня удивил звук скрипящей двери. Оказывается, так скрипит мышца, в которую входит гвоздь. Когда гвоздь выдернул из ноги, кровь горошинами покатилась на ковёр, половик в прихожей. На ногу встать было невозможно, пришлось прыгать на одной ноге по квартире. Вычитал вечерние молитвы и лёг спать.

Икона царя-мученика Николая. Именно их рассылал центр памяти святого царя-мученика в США.

Проснулся я без боли в ноге. Проникающей раны не было и в помине. Не поверив, стал искать при помощи зеркала, на ощупь, следы. Следов не было. Ужас пробрал меня. «Померещилось, не было никакого гвоздя», – стал себя успокаивать. Как вдруг взгляд мой натолкнулся на чёрные горошины крови, пунктиром лёгшие на светлый половик. Да и на рейке остался торчать злополучный гвоздь – одиннадцать миллиметров зашло в глубь ноги.

Я болел непрерывно пятый год, но Бог-чудотворец не обращал на мои муки никакого внимания. А тут явное и совсем непонятное исчезновение раны от пяти икон царя-мученика. Ужас долго не покидал меня. «Как же это так – была рана и нет её», – всё спрашивал сам себя и не находил ответа.

Святые мученики Киприан и Иустина

Есть брошюры «Как защитить себя от чародейства» и подобная ей «Как защититься от чародейства». Их какие только епархиальные издатели не издавали, крадя друг у друга оригинал-макеты, диапозитивы и просто ксерокопии хорошо раскупающихся книжек. Обложка этого «православного самиздата» конца девяностых чаще всего перепечатывала икону святых мучеников Киприана и Иустины современного московского иконописца.

Вот на них следует остановиться подробнее. Икона представляет из себя следующее. На фоне жиденькой северорусской природы стоят высоченные мужчина и женщина. Мужик по виду русак, эдак с год не стригший своих волос. Женщина миловидна, но какая-то блёклая. В руках у мужчины евангелие. Вдали течет река, по виду Ока до Серпухова. Вот и вся иконопись. Полный фонарь. Окно в другой мир.

С точки зрения канонов, принятых в православной иконописи, всё нормально. «Иконописец писал», скорее всего, кого-то из своих приятелей и приятельниц. А, может, самого себя и свою супругу. Этого человека можно понять – нет у нас иконы святых Киприана и Иустины, которую можно взять за образец. Не от чего было оттолкнуться. Киприана и Иустину люди не видели давно.

Та самая икона священномученика Киприана и мученицы Иустины как основа книжных обложек «Как защититься от чародейства».

Тридцатого июля 1998 года, измученный постоянными болями, огнём, разъедающим всё тело изнутри, заснул тяжёлым сном. Последнее, что помнил из обычного сна, духовник возле какого-то подземного перехода благословил меня и я спустился вниз. Вышел уже на другой стороне улицы и взяв вправо, стал подниматься на высокую гору. По горе вилась проторенная тропинка. Задрал голову, отметил, что Земля кончилась и надо мной небо с облаками царствия небесного. Так высоко никогда не поднимался.

На самом верху горы стояла маленькая церковь, весьма похожая на ту в Иерусалиме, что на Масличной горе – Марии Магдалины, где почивают мощи святой преподобномученицы Елизаветы и ключницы Варвары. Только меньше размером и очень красивая. Крещусь, вхожу в храм. Через цветные стёкла на пол падают разноцветные блики. Такое чувство, что внутри полно пыли, но её нигде нет. Было как-то не по себе. Роспись, иконы, подсвечники, амвон,

алтарь – всё, как на Земле. Только людей в храме нет. Воздух настоян, напоён чем-то тягучим, крепким. Дух перехватывает. Воздух молитв.

Дохожу до амвона. На нём стоят два человека, женщина и мужчина. Пара. На женщине схима. Мужчина в рясе с большим крестом на груди. Но это епископ. В IV веке такие большие грубоватые православные распятия носили на толстых серебряных цепях только епископы. Священство не носило ничего.

Дохожу до женщины. Из-под рясы выглядывают туфельки, как на наших православных иконах. Поднимаю глаза. Наши взгляды встретились. О! Какие глаза! Оторопь взяла! Синь красоты неопишущей! Можно нырнуть и уже не вынырнуть никогда. Лицо редкой красоты на длинной шее. Но всё тело до подбородка забрано монашеским одеянием. Есть только лик, от которого захватывает дух! Смотрю. Молчу. И пара молчит.

Вдруг эта женщина снимает с себя часть одежды схимницы, которую носят на шее и надевает её на меня. Подарок. Только что он означает, мне неизвестно. Как и само название этой части одежды схимницы. При этом она не произнесла ни слова.

Делаю шаг. И вот я уже стою напротив мужчины. В отличие от женщины с ростом и лицом фотомодели (но нынешние дивы по сравнению с нею просто убогие замарашки или уродки), мужчина мал. На голову ниже её. Их рост резко контрастирует по сравнению с обычным ростом мужчины и женщины. Всё наоборот. Женщина высока, мужчина низок. Примерно метр пятьдесят пять, не больше.

Лицо мужчины представляло из себя по виду лицо подвижника или пустынножителя. Густая чёрная борода. Растёт прямо от глаз. Но она не заслоняет серебряного креста. Тот покоится поверх бороды. Глаза карие, маленькие. Кожа у обоих смуглая или это следы южного солнца. По строению лица мужчина и женщина являются эллинами.

Это, однозначно, греки, а не русские, сирийцы или персы. Волосы мужчины густые, чёрные, с синим отливом и едва заметной проседью. Лицо очень и очень суровое. Мужественное. Видно, хлебнул через край скорбей и ужасов. Сердце словно запеклось у этого низенького человека. Он ничего мне не дал. Руки у обоих были свободные.

В какой-то момент я подумал, что всё это бесовские призраки. Меня просто разыгрывают. Тут же по моим ногам пробежал едва заметный ветерок. Покрывала или монашеские одежды немедленно ответили лёгким покачиванием в такт ветерку. Это ощущение тихой, спокойной прохлады было настолько реально и в тоже время необычно, что я до сих пор помню то состояние.

Самое главное, что осталось в моём сердце – духовное слияние, в котором пребывала эта пара. Такого единства, единения душ, соединения душ, взаимопонимания душ, на Земле просто нет.

Православные семьи. Семьи священников. Что о них можно сказать? После того, что я почувствовал, глядя на эту пару небесных жителей, о каком-то смысле создания таких семей можно только молчать. Это биологические фермы размножения и воспитания человеческих мальков. Физиология совокупления по уставу для одних. С очень быстрым переходом к половому воздержанию для других. И только!

Формы христианского быта. Насколько заземлённого по сравнению с увиденным, что даже красота земных женщин после лица Иустины стала казаться мне каким-то уродством. Вокруг себя я находил только вырождение. Она, эта форма, наполненная полноценной христианской жизнью, смирением, терпением, причащением, не приведёт ни в эту церковь, ни к этому удивительному союзу двух душ, ставшей одной. С сохранением свободы каждого. Трудно осквернённым языком объяснить состояние тех, кто в раю. Ещё труднее достичь его! Те, кто взял на себя подвиг супружества, именно подвиг, а не его имитацию, будут ниже.

Во мне всё умерло. Выйдя из церкви Киприана и Иустины, точно так спустился вниз. Вновь в какой-то момент почувствовал – небо стало другим. Небесное сменилось земным. Я

вернулся в тело, на Землю. А сам сон рассказал духовнику только спустя три года. Он молчал. Тогда я спросил его.

– Батюшка! Этот сон прелесть?

Священник покачал головой. Нет. Вновь вопрошаю.

– Для чего мученица Иустина дала мне часть своих схимнических одежд?

– Это дано вам на целомудрие, – подумав, ответил батюшка Николай.

«На целомудрие? Тогда зачем вы жените меня?» – возмутился цинизмом благочестивого пастыря. Язык говорит одно, руки делают другое. За плечами пять лет терзаний насильственной женитьбой. Молча посмотрел на него и вышел из прихожей служебного корпуса.

Пасхальное ведро (Пасха 1992 года)

Вот уже почти два года, как я перестал посещать православные церкви. Вера как была, так и осталась, но идти вновь и вновь к священникам, которые отворачивались от тебя почти пять лет, не было сил. Четыре с половиной года я наблюдал, как почтенные пастыри делали всё возможное, чтобы студент советского университета не исповедался, не причастился и вообще не появлялся на моём (нашем или вашем) приходе.

Моего желания стоять и молиться в храме эти честные отцы не разделяли вовсе. Время-то какое – Кишинёв 1985 года. Лишиться регистрации сытым и обеспеченным «страдальцам за веру в годы советских гонений» не хотелось до звериной ненависти к таким вот «праздношатателям».

– Мама говорит, чтобы ты приехал на Пасху! – Жан в пятый раз повторяет мне одно и то же.

– Хорошо. И когда мы едем?

– Завтра на дизеле. Мама нас встретит.

– Зачем?

– Мэй, сапоги резиновые принесёт. У нас там столько грязи, что ты в городских башмаках утонешь. Она даже в жару не высыхает, а после дождей... Тут Жан привёл в подкрепление своих аргументов крепкое словцо.

Приехал к нему в гости 25 апреля, на Великую субботу – «да молчит всяка плоть человека». Мы и молчали, пили и пили весь вечер самогон. Хороший свекольный самогон. Легли в час. А в половине пятого нас подняла мама Жана. Святить пасхи и всякую снедь. Вручили и мне корзину.

О! Как же раскалывалась моя бедная головушка в ту ледяную пасхальную рань. Поёжившись, решил положить большим прибором на весь поход. Вперёд, под тёплое одеяло. Вот и вся Пасха! Но Нина (отчество забыл) крепко взяла меня за руку.

– Ну уж нет! Домой не возвращаться. Не пушу. Только после церкви.

Пришли. Люди уже стоят вдоль храмовой дороги. Ждут. Холод невыносимый. Чтобы унять дрожь, иду в храм. Деревянные некрашеные полы, иконы по стенам, поющий хор и ни одного человека внутри! Так и стоял минут двадцать на пороге. Согрелся и вышел. Спустился десять минут вышел и батюшка. Жан дал ему характеристику: «Большой приколист» и «Батюшка у нас весёлый».

Церковь Успения пресвятой Богородицы в селе Тырнова Дондюшанского района Молдова. Насколько помню, ограды этой не было. Мы все стояли чуть ниже на дороге к храму.

Стоим, ждём, когда нас и вас обрызгают святой водой. Холод вновь пробирает меня до дрожи. зуб на зуб не попадает. Батюшка уже совсем близко. Закончилась вода. Принесли новое полное ведро. До меня всего два человека. И тут, наконец, до меня дошло. Это что же, всё ведро сейчас обрушится на мою бедную голову после ночного бодуна? От ужаса замираю. Взглянув на мою опухшую рожу, поп всё понял и засмеялся. Сейчас я тебе сделаю «Антиполицай»!

– *Xristos a înviat!* (рум. Христос воскрес) – погрузив кропило поглубже, набрал литра два воды и поделился этим добром со мной.

Меня как током прошибло. Хотелось в этот миг треснуть попа чем-то тяжёлым и прекрасным по голове. Поделиться своей болью.

Но почему-то весь мой недосып с нервами и раздражением куда-то снесло. Злость на брыкливого попа ушла в первую очередь. И бодуна приятные сюрпризы. Всё! Аминь! Христос Воскрес! В одно мгновение я стал молодым и здоровым, как Фэт-Фрумос на съёмках киностудии «Молдова-фильм».⁴

А дальше было продолжение ночного бодуна. Шашлыки. Озеро. Жан и его друг с юной женой. Литры свекольной отравы во всех её разнообразных вариантах и проявлениях. Молдаване к обеду сникли, выдохлись и сгорели. На меня они смотрели квадратными глазами. Пьет за троих и не пьянеет. Фокусник! Они стали моей копией к половине пятого утра. Пасха прошла мимо них. Фэт-Фрумоса они и в глаза не видели. Остановившись возле меня, Бог сказал то, что хотел давно сказать:

– Вернись обратно в храм!

⁴ Фэт-Фрумос (рум. *Făt-Frumos* – рыцарь, молодец; от *făt* – юноша и *frumos* – красивый, прекрасный) – персонаж румынского и молдавского фольклора, обладающий качествами отважного богатыря и смекалкой народного героя.

Что я и сделал через год.

Покаяние (первый шаг)

А именно восьмого августа. Седьмого договорился в шуйском храме с отцом Варфоломеем. Мне и в голову не могло прийти, что меня будет исповедовать вчерашний советский психиатр. С лошадиной фамилией. И вскоре после Коновалова найдутся безжалостные кобылы, которые и затопчут меня. Но этот нюанс я узнал только двадцать три года спустя.

«Я пошлю тебя далеко на север. Там не будет таких священников (надушенных французским одеколоном). Они будут ходить в кирзовых сапогах», – сказал мне Господь перед переездом в Россию. Шуйский кафедральный собор. общественное достояние.

– Вы когда-либо исповедовались? – спросил меня монах.

– Нет, – отвечаю.

– Постарайтесь вспомнить все свои грехи, начиная с семи лет. Возьмите ручку и тетрадь, посидите, подумайте, что и когда вы сделали плохого. Вспомните, запишите. Утром приедете на службу.

На утро с тетрадью грешника приехал в храм. Восьмое августа, память преподобного Моисея Утрина (то есть венгра). Он пострадал от графини польских кровей. От кишинёвской полячки с колдовскими приворотами и футбольными корнями сбежал и я. Одна история на двоих с интервалом в девятьсот лет.

Вначале мне объяснили, что опыт церкви – это прежде всего опыт мистического богословия. На исповеди невидимо стоит Сам Господь Иисус Христос. Он и только Он Своей властью принимает и отпускает грехи.

Исповедь шла около часа. Священник стал белее первого снега. Он просто потерялся из-за особенностей моей психики. Я помнил практически всё, что произошло со мной, начиная с трёх лет.

В конце концов он принял мою исповедь, отпустил грехи, долго читал какую-то молитву и выразил надежду, что я буду ходить в храм и что мне обязательно нужно готовиться к причастию. Всем остальным он просто сказал:

– Сегодня исповеди больше не будет.

Священник быстрыми шагами уходил в алтарь. На его глазах стояли слёзы. Я понял, что сегодня мне здесь больше делать нечего и пошёл на автостанцию.

Невозможно описать состояние человека, которому реально простили все его грехи за двадцать лет жизни. Солнечный свет стал другим. Он ожил и согревал, ласкал лицо и руки, хотя день был на удивление холодным. Я мгновенно попал в другой мир. Мир, где нет вражды и ненависти, лжи и зависти, гордости и растления.

Другими стали и люди. Они приветливо, не понятно от чего, улыбались мне краешками губ. Несмотря на ледяной ветер, изнутри шло ласковое тепло. Все прохожие вызывали у меня чувство радости, как будто навстречу шли очень близкие люди. Внимательность и забота ко всем переполняла сердце. Я понимал, что это результат чистосердечной исповеди и долго такое состояние мне удержать не удастся.

Ко мне возвратилась Пасха 1992 года. Таким я себя давно не чувствовал. С плеч упала тяжесть зла и грязи весом в тонну.

Если Бог прощает, то падшие ангелы не забудут такого вовек. Вся работа вражьей силы за двадцать лет полетела коту под хвост. И война началась. Война за возврат потерянных кандалов.

Ожоги

Конечно, мстят не только невидимые миру духи, но и люди. Особенно те из них, что быстро нашли общий язык с Велиаром.

В конце июня 1992 года под эгидой мэрии Санкт-Петербурга на Кировском стадионе в течение пяти дней проходил Всемирный конгресс Свидетелей Иеговы.⁵

Меня занесло туда по одной причине – немецкая семья «старших братьев», принимавшая меня в Германии, назначила мне встречу на «нейтральной территории». Они очень хотели меня видеть.

Не прошло и трёх дней, как все участники всемирного шабаша «от Иеговы» были в волдырях, ожогах и просто покраснениях от поцелуев злого питерского солнца. Тридцатиградусная жара, тончайший, приполярный уровень ультрафиолета и вот итог. Мы все красные как раки, а те, кто просто жил, учился и работал в городе на Неве, купались, загорали, ходили в майках и летних рубашках, ничем подобным не отметились.

И, что самое интересное, все делали вид, что с ними ничегошеньки не произошло. Как будто так и надо. *«Пошёл первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его».* (Откр. 16: 2). Лицемерие – пудра дьявола, а свидетели Иеговы без неё ни шагу.

Уже в поезде эти ожоги на руках стали нестерпимо ныть, горело обожжённое лицо. Пришлось всю дорогу прикладывать тампоны с лекарством. После них боль стала быстро уходить. Меня такое избирательное действие солнечных лучей очень удивило. Настолько, что спустя три года рассказал эту странную историю тёти Наде, соседке с восьмого этажа. А была она «коллегой» моих немцев по цеху веры – старшая сестра-проповедник Свидетелей Иеговы. Очень хотелось, чтобы её глаза открылись на ту прорву, в которую она попала и вылезти из которой без посторонней помощи невозможно.

Мне она поверила. Её сын был моим приятелем с детства. Попросив меня наклониться к её инвалидной коляске, требовательно приказала.

– Никому и никогда не говори об этом случае.

– Но это чистая правда. Бог отвернулся от всех, кто был на том конгрессе. Поэтому ожоги. Я сам мучился от них.

– Нам не нравится подобная информация. Ещё раз говорю, если об этом кто-либо узнает кроме тебя и меня, то мы будем мстить.

В ответ я только рассмеялся, что и стало объявлением войны. К нам, как мухи на мёд, на долгие годы прилипли посланники тёти Нади. По выходным в квартиру стали ломиться Свидетели Иеговы. Предлагали поговорить о «спасении», «спастись» прямо сейчас, рвались в квартиру, кидали в почту листовки, оставляли их в двери, передавали соседям для заблудших «братьев». Нашествие зомби кончилось тем, что я просто облил их святой водой и отключил входной звонок.

⁵ Данная религиозная организация запрещена на территории России (примечание автора).

Книга под подушкой

Валентина Антоновна была моей первой учительницей украинского языка и соседкой по дому. Вдвоём с моей доброй тётушкой, её коллегой, они приучили меня читать, любить и понимать книги украинских писателей.

Красивая, спокойная и приветливая женщина. Отчего и нравилась мне. Родилась она в послевоенном 1946-м году. С детства страдала сильными головными болями. С годами к ним прибавилось ещё с дюжину болячек и когда я вернулся в Мариуполь, она работала только на лекарства и оплату квартиры.

После первой реанимации стал говорить ей, что нужно немного поменять свой образ жизни – ползать по выходным в церковь, исповедоваться и причащаться. Но дальше первого подсвечника Валентина Антоновна не пошла. Да и те свечки ей приказала поставить «целительница» или просто ведьма. Тринадцать штук.

Шли годы. Последние крупинцы здоровья были растеряны. Последовала вторая и третья реанимация. Мой духовник запретил за неё молиться. Молитесь только за себя, сказал он.

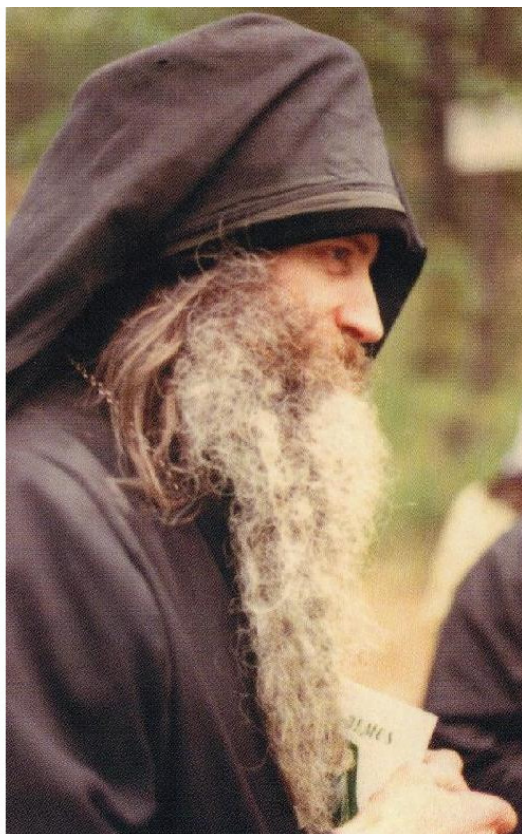
Но неизвестно откуда во мне появилась уверенность, что выход есть и ей можно помочь. Прошло немного времени и в свечной лавке появилась книга Серафима Роуза «Душа после смерти» в дешёвой бумажной обложке. Я ей очень обрадовался. Когда-то у нас дома была точно такая, но после очередного «дай почитать» её не вернули.

С ней было связано одно удивительное воспоминание 1993 года. Отпуск заканчивался, я собирался уезжать. Книга Роуза активно читалась, поэтому лежала на диване. На обложке была его знаменитая фотография. Вдруг из глаз монаха брызнул взгляд, полный любви. Реальный взгляд живого человека, только в десятки раз сильнее. Он буквально обжёг меня. Не может в человеке быть столько любви, да и умер он давно, удивился я. Но взгляд Серафима Роуза говорил об обратном. Такое помнится.

Книгу купил и принёс её домой. Читать не стал, она была читана и перечитана много раз. Взял её в руки и стал просить Серафима о больной. Посмотрел на его фотографию.

– Ты возьми мою книгу и просто отдай «почитать» учительнице. Скажи, чтобы она положила её под подушку и никуда не выносила из своей комнаты. Пока книга будет с ней, она будет жить.

В один из дней, когда соседка с трудом вышла на улицу, подошёл к ней, поздоровался и отдал ей книгу. Вкратце объяснил, что прочитав, пусть книгу оставит у себя. Этот писатель, американец, будет молиться за неё. И пока книга в доме, она будет жить. Валентина Антоновна взглянула на меня. Веры в её глазах моим словам не было. Бред ученика и только. Но это меня совершенно не волновало. Я знал, что моей соседке придется поверить моим словам.

Изображение иеромонаха Серафима Роуза. CC BY-SA 3.0.

– Прошу Вас об одном. Не говорите никому из своих близких о книге. Договорились?

Прошло пять долгих лет. Вначале от неё ушёл муж к молодой. За это время учительница украинской литературы раз десять умирала и оживала вместе с великой литературой Украины. Больше всех это ударило по дочери. Готовь, убирай, стирай. Бегай за лекарствами, жди скорую. Живи на два дома, один из которых лазарет. Тоска.

Ей бы давно умереть, а та никак. Застряла в межпланетном пространстве. Внук вообще готов был убить свою бабушку за такое странное долголетие. В один из дней возвращаюсь из церкви, а соседки по подъезду именно об этом и судачат. Должна была закончиться, а вдруг выкарабкалась и всех мучает. И сколько лет уже? Как это так – ни туда ни сюда?

Не вытерпел и рассказал старшей подъезда, Валентине, всю историю с книгой с самого начала.

Конец пришёл через десять дней. Услышав, в чём дело, старшая тут же позвонила её дочери. Та немедленно примчалась и когда Антоновна спала, нашла книгу и выкинула причину своих мучений вон.

Прошло недели две после похорон. Позвонил к ним в квартиру. Хочу забрать свою книгу. Никто не открывает. В двери оставляю записку с просьбой вернуть книгу и номер своего телефона. Через день дочь позвонила мне. С удивлением в голосе говорит, что такой книги нет в доме и, скорее всего, не было. Обыскала всё и ничего не нашла. Даже на балконе и в прихожей искала.

В ответ говорю ей, что ничего страшного, всякое бывает. Можете не беспокоиться, взамен ничего не нужно. Ругаю себя почём зря. Зачем сказал старшей? Антоновна могла бы еще пожить! Бог ждал её покаяния, а я своей глупой выходкой всё погубил.

Книгу было очень жалко. Она дважды приходила в наш дом и ушла. Теперь навсегда. Вместе с Валентиной.

Люди и животные

Думаю, что и животные, собравшиеся по зову Господа Бога на ковчег Ноя, отличались от всех остальных особей одного вида тем, что они смогли услышать своего Творца. Не каждому это дано, услышать Самого Бога. Тем, кто услышал – Жизнь, остальным – Потоп. О том, что и у животных существует духовная жизнь, говорит в своей проповеди святитель Лука Крымский.

«Мученик Мамант принадлежал к друзьям Христовым и в залог единения с Ним получил великие дары Святого Духа. В числе даров этих был и необыкновенный дар любовного общения с дикими зверями, понимания их и высокой оценки их духовной жизни. До начала своей жизни среди зверей он был жестоко мучим за веру во Христа, был утоплен, но спасён из воды Ангелом, указавшим ему гору, на которой он должен был жить со зверями.

Когда по прошествии долгого времени послали за ним воинов, они не смели подойти к нему, боясь окружавших его зверей, но он велел зверям отойти и отдался в руки воинов. Мучитель, к которому он был приведён, спросил его, каким волшебством он умирят зверей, и получил ответ, который нам надо запомнить. «Я не волшебник, а раб Господа Иисуса Христа. Я лучше предпочёл жить со зверями, чем с идолопоклонниками. Звери боятся Бога и почитают слугителей Божиих, а вы не знаете Бога и безжалостно убиваете рабов Его».

Духовная жизнь животных и диких зверей нам мало известна и непонятна, но она, несомненно, гораздо более глубока, чем нам кажется. Можно было бы привести много примеров их привязанности к людям за оказанную им помощь и благодеяния.

Верим, верим мученику Маманту, что страх Божий есть даже у диких зверей. Будем же жить так, чтобы не рабским, а святым страхом Божиим были полны сердца наши и чтобы нам сподобиться помазания от самого Бога в число друзей Христовых и в залог этого получить благодатные дары Святого Духа». *Проповедь за 15 сентября 1957 года.*⁶

Ежедневно возвращаясь после утренних и вечерних служб в храм, очень часто сталкивался с такими проявлениями сложной и непонятной мне духовной жизни животных.

Непослушная кошка. Из года в год мне приходилось идти домой одной и той же, порядком надоевшей дорогой по Новосёлровке. Мимо тебя проносятся машины – поток вниз. И вдруг прямо в него ныряет кошка. Но тут же возвращается назад. Ещё попытка. И вновь назад. Как назло, машин тьма, не проскочить. Люди останавливаются, кричат на неё, машины сигнализируют, та ложится на бордюр и через минуту, не смотря на дорогу, как будто под гипнозом, вновь летит под колёса. Её задевают, она летит в сторону, переворачивается и вновь попадает под машину. Изранена, но упрямство берёт верх. Смерть пришла к ней под третьей машиной. Мне стало больно и придя домой, обращаясь к иконам, спрашиваю Спасителя, за что он так наказал несчастное животное. «Трижды запретил ей идти туда. За это и наказал её смертью».

Шмель и тюльпан. Шла вторая седмица Пасхи. Были тихие, солнечные, но удивительно холодные вечера. Поёживаясь, выбежал из храма. Всё купалось в лучах заходящего солнца. Вдруг перед глазами зажужжал не весть откуда взявшийся шмель. Он кружил возле меня, ему некуда было деться – впереди ледяная, до заморозков, ночь. «Негде бедному заночевать», – зацепился глазами за одинокого чёрно-жёлтого красавца. А тот, сердито жужжа, всё кружил возле меня, клумб, пока один из тюльпанов не качнулся, как бы приглашая скитальца. Мгновение, и шмель перестал сердиться.

Заглянул внутрь тюльпана, а он лёг и сжался в комочек. Тюльпан словно ждал этого – стал быстро закрываться в бутон. Не прошло и минуты, как тюльпан закрылся полностью, дав

⁶ Войно-Ясенецкий, В. Ф. Проповеди годового круга / В. Ф. Войно-Ясенецкий. – М.: Артос-Медиа, 2009. – 622 с. – ISBN 5-9946002-3-7: 580.00. 86.372 Л63.

такой комфортный приют до утра. И кому? Какому-то шмелю. Вот вам и милость Божья. А я, ошарашенный увиденным, побежал домой всё той же дорогой, где перед этим кошка нашла себе смерть за непослушание.

Собачье прощение. Это была единственная собака на Новосёловке, которая рвалась с привязи, как только я равнялся с её владениями. Лай поднимала и утром и вечером. Мол, нечего тебе тут шлёпать. Что самое интересное, она ни на кого днём не лаяла. Только моя персона попала в список заклятых врагов.

Шли годы, а лая меньше не становилось. В одно из прощённых воскресений, когда на вечерней служится короткий чин прощения, я, идя возле того дома, подумал: «Хоть бы сегодня эта овчарка не бесилась»! Диво дивное, пёс смирно лежал напротив решётки и, как ни в чём не бывало, поглядывал на меня. Я остановился.

– Ты почему не гавкаешь на меня? – спросил я псину.

– Прости, бес мучает и заставляет лаять на тебя, – мысль из глаз пса буквально обожгла меня.

В одно мгновение кто-то неведомый мне как бы перенёс меня в череп животного. Как пусто, холодно оказалось там, в том черепе собачьем. Длилось это состояние буквально мгновение. Но какое!

Ужас червей. В 1994 году в Колобово, где я жил, церкви не было. На Пасху ездил в Шую, Воскресенский кафедральный собор. Возвращался ранним утром, везя с собой освящённые куличи и яйца. Идя по пустынной в этот час дороге, вдруг оторопело остановился. Мимо меня неслись, извиваясь от дикого ужаса многие сотни червей. Они судорожно старались удрать от кого-то. Я такого осознанного, почти человеческого ужаса, у таких примитивных тварей никогда и не думал встретить. Уступив им дорогу, стоял и смотрел на панику под своими ногами. И только вернувшись домой, понял – Пасха пришла в недра Земли. А эти извивающиеся бедолаги на русской просёлочной дороге до сих пор стоят у меня перед глазами.

Голуби и пост. После прощённого воскресенья почти в каждой православной семье что-то да и останется из скоромного. Чаще всего это блины. Без блинов какая масленица. И летят они в форточки на прокорм голубям и воробьям в первый понедельник великого поста. Не долго думая, выкинул скоромные блинчики на молоке и яйцах и я.

Моему удивлению не было предела – обычно на такое лакомство мигом слетается орава голодных голубей. Полчаса и блинов как не бывало. Но голуби, налетев на аппетитные блинчики, тут же отпрянули. Ни один из голубей не стал их клевать. Великий пост.

День за днём они так и оставались лежать на холодной земле. Воробьи поступили точно так же. Но как только бросил из окна зачерствевший хлеб, началось птичье столпотворение из ворон, голубей и воробьёв.

Живая котлета. Жил-был стройный породистый кот. Звали его Томас. Любил все метить. Вонь стояла страшная. И тогда его кастрировали. Когда я его увидел, от был размером с продуктовую сумку в субботу утром. «Живая котлета».

Живая котлета-Томас. Фотография любезно предоставлена хозяйкой, Н. Ф. Метлиной.

«Живую котлету» всем всегда хотелось погладить. Тихий и очень спокойный кот. Дошел до дома. Вижу, кот пасется у подъезда. Хочу погладить, но тот, только увидел меня, подскочил и бежать. И откуда у толстяка такая прыть взялась? Только тут я вспомнил, что час назад причастился. Люди думают, что все это (причастие Христовых тайн) просто так, особой роли не играет, но животное на расстоянии опалило огнем и оно от ужаса на снежную горку запрыгнуло.

Голуби и Пасха. Кажется, на Пасху 2006 года в Никольском кафедральном соборе города Мариуполя произошла следующая история. В целях пожарной безопасности в пасхальную ночь открывают боковые двери притворов. И вот, рассказал мне сторож храма Николай (Агабеков), голубь и голубка влетели в северные двери и уселись на верх массивной дверной коробки. Так они и просидели всю праздничную службу, а это пять часов, и улетели сразу после отпуска.

Трясогузка и Евангелие. Седьмого мая 2016 года пришлось ехать в Шую, хотелось причаститься. После службы по чину Светлой седмицы был крестный ход. Ходим под: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ...». Второе чтение евангелия от Иоанна, зачало 21 главы. Для незнающих: это рассказ о б Иисусе на берегу моря уже после Воскресения. Он спрашивает учеников, есть ли у них что поесть? Те говорят: нет. Следует указание – закинуть сети по правую сторону. Итог – 153 больших рыбы. По тем временам целое состояние. Рыба стоила очень дорого.

Краем глазом засекаю – перед началом чтения на столб ограды садится трясогузка. И всё время, пока батюшка читал, она внимательно, не отвлекаясь, слушала отрывок из 21 главы. Как только хор пропел: «Слава Тебе Господи, слава Тебе» трясогузка улетела. Я думаю, это не было случайностью. Птица присутствовала при чтении одного из отрывков об умножении пищи, а именно лова рыб. Это было благословение, которое распространяется на всё живое, а не только людей. Последний случай и убедил меня оставить эти примеры в тексте.

Но ещё более многочисленны факты служения животных не Господу Богу, а тёмным силам. Можно бесконечно перечислять случаи переноса домашними животными (кошками, котами, прирученными воронами, значительно реже собаками) болезней, которые вызываются к жизни не природными условиями, а исключительно злобой людей, не понаслышке знакомых с чёрной магией.

Бесчисленны случаи, когда собаки внезапно набрасываются на ребёнка и загрызают его насмерть. Смерть астматика от нападения ос, которых ещё секунду назад не было и в помине. Смерть от укусов ядовитых змей, тарантулов, каракуртов, собак, лис, больных бешенством, которых в месте смерти людей никогда до этого не было.

Скажите после этого, что у животных и птиц нет ничего, кроме врождённых и приобретённых инстинктов.

Чудо с подносом (1995)

Монахи шуйского подворья не оставляли надежды постричь меня в монахи. И, чтобы их рук не было видно, гнали и гнали к отцу Науму (Байбородину) за «благословением». В одну из таких поездок решил осмотреться в той загородке, где «принимал» отец Наум. Сбоку от крытого навесом входа в его приёмную была ещё одна дверь.

Туда внезапно выстроилась приличная очередь. К моему удивлению, она спокойно и достаточно быстро убывала. Посетители входили к нему и довольные выходили. Это принимал людей схиархимандрит Георгий (сейчас на покое).

Отец Георгий не гонял приезжих от двери к двери, как это было заведено у его коллеги. Так отец Наум «воцерковлял» несчастных, наказывая их за то, что не идут на службу, а месяцами толкуются под его дверью. Ему помогала в этом настоящая блаженная. Звали её Лидочка. Одноглазую старуху ненавидели сиделцы Наума. Звали её «злой старухой».

– Вон, смотри! Опять эта дура людей верёвкой обвязывает. Натянет её и говорит всем: здесь ходить нельзя! – жаловалась одна женщина другой.

Прошло месяцев семь. Я окончательно развалился от язвенной болезни с гнойным пиелонефритом и едва стоял на ногах от 38-градусной температуры. Но это несколько не волновало моего духовника отца Савватия (Перепёлкина). Он упорно гнал меня в энный раз к отцу Науму за благословением на постриг. Заняв под отпускные деньги на билет, поехал в лавру преподобного Сергия.

Но и на этот раз всё было по-старому. После службы, которую возглавил Святейший, отец Наум меня не принял, а приём был. Найдя лавку поудобнее, лёг на неё и до вечерней больше не вставал, хотя служки упорно пытались поднять меня и выставить за ограду приёмной отца Наума.

На вечерней мировал отец Георгий. Понимая, что завтра мне надо быть на работе, прошу у него благословение в дорогу.

Кисточка батюшки Георгия застывает в руке.

– Деточка, останься, – ответил мне старенький архимандрит.

– Не могу батюшка, – и объясняю, в чём дело.

А дело проще простого: нищего и больного учителя погнали в лавру, а у того нет денег даже на билет и корку чёрствого хлеба.

– Благословите в дорогу, я на ногах не могу стоять.

Смотрю, на глазах батюшки выступили слёзы. Он благословляет меня уезжать из сказочной благодати лавры преподобного Сергия.

Приехал на вокзал города Александрова. Понедельник, но билетов до Иваново нет и в помине. Занял очередь и стал ждать поезда.

Двенадцать ночи. Объявляют прибытие ивановского поезда. У окна кассы стоят два человека – я и опоздавший на «колхозник» дачник.

Из окна кассы раздаётся:

– Билетов на проходящий нет.

Ж/д станция Александров-1 в городе Александров Владимирской области. Именно здесь я и встречу с Марьей Иакимовной на день Святого Духа 1994 года.

Осталось десять минут. Как стоял, так и стою. Мне утром на работу. Вдруг со стороны перрона открывается массивная входная дверь и к кассе быстрым шагом направляется мужчина. Не обращая на нас никого внимания, протягивает в кассу серебряный поднос. Поднос явно не с вокзального буфета города Александрова, а скорее из какого-то дворца.

На подносе лежат две, туго свёрнутые трубочки. Мертвенного вида инженер путей сообщения говорит кассиру:

– Два билета в плацкартный вагон до Иванова.

Меня как громом поразило. Ещё минуту назад никаких билетов не было вовсе. Я уставился на этого «инженера» с антикварным серебром в руках. Сталинский мундир с пуговицами и стоячим воротничком сороковых годов. Белые перчатки на руках. Фуражка с непонятной кокардой. Так только в кино одеваются, а не на русских замызганных станциях.

Но дальше пришлось совать в окошко кассы деньги за билет. Краем глаза отметил безукоризненную выправку подателя билетов. Лицо без особых примет, белое как мука, без малейших признаков жизни. Не на чем остановить взгляд или за что-нибудь зацепиться. Это видимость лица, а не лицо живого человека.

Пока я чухался, человек с подносом исчез за входной дверью. Расплатившись за билет, побежал вслед. Но на перроне никого не было. Он просто исчез. Ангел, посланный схиархимандритом Георгием.

Поезд сделал последний гудок. Я вошёл в вагон. Билет оказался настолько дешёвым, что мне хватило денег на завтрак в Иванове.

Впоследствии я очень жалел, что не поговорил с этим пастырем. Потратил год на бесполезные поездки к Науму, а благодать была рядом. Нужно было только сделать шаг в сторону от лжедуховников.

Блаженная Алипия Голосеевская (Авдеева)

В один из дней, не помню какого года (2005—2008), прихожанка нашего храма, Лидия, стала собирать автобус на поездку в Киев. Потом владыка эти поездки запретил (деньги проходили мимо епархиальной кассы).

Подошла ко мне, предлагает поехать.

– Ты же знаешь, я в автобусе сидя не доеду.

– И не надо, я людей набрала. Ты подай записку, мы в Голосеево едем, к матушке Алипии.

– Толку от этого не будет никакого.

– Ты подай. Имена напиши, денежку положи в конверт, – как обычно в таких случаях говорит мне добрая Лидия.

Положил деньги в конверт, написал записку. Отдал.

Прошла неделя с небольшим. Был вторник. Литургии не было, служили молебен. Ко мне в угол влетает улыбающаяся Лидия. Смотрю на неё.

– Ну? Всё нормально? Бог управил?

– Конечно. Вот тебе гостинцы от матушки.

И кладёт мне на колени кулёчек с белыми сухарями и бутылку святой воды с молебна в Голосеево.

– Это всё?

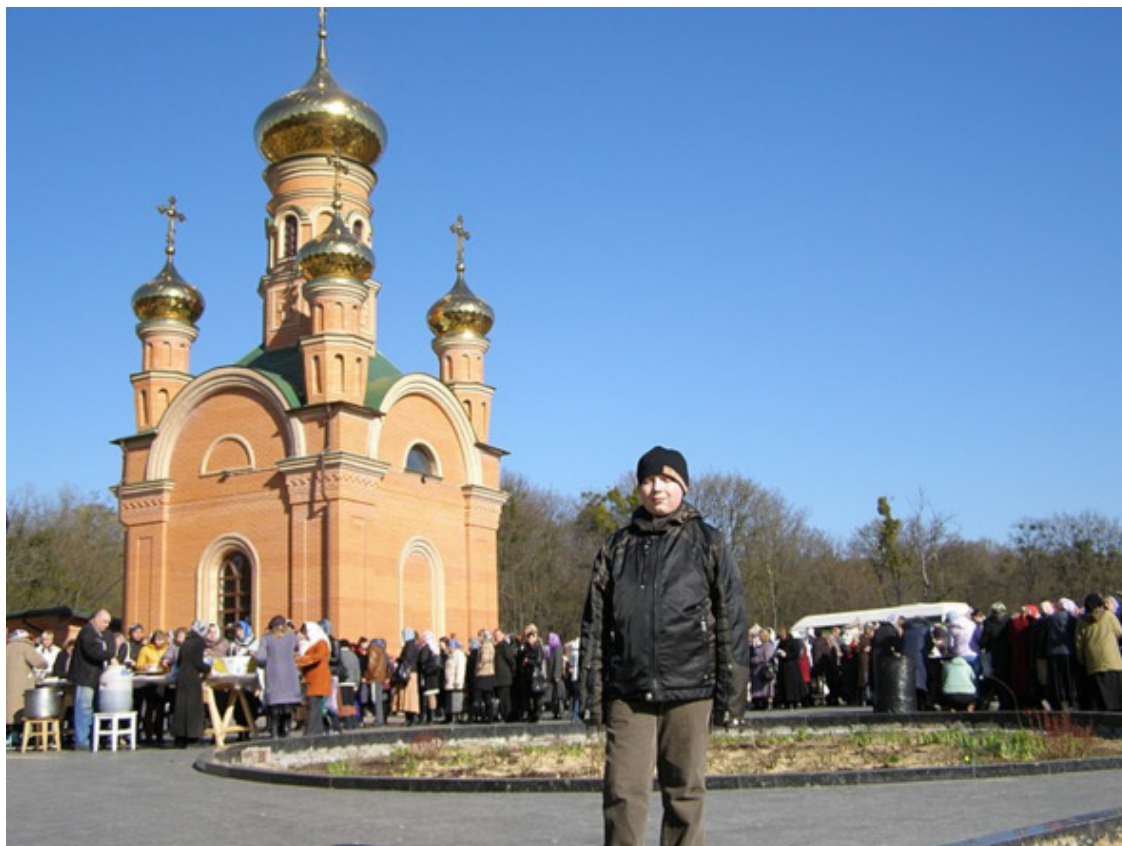
– Всё! – удивлённо смотрит на меня женщина. – А что тебе ещё надо?

– Да ничего. Спаси Бог.

Видя, что я недоволен очередной профанацией по добровольной перекачке средств на подъём женского монастыря, уходит, ворча мне в след.

– Я вообще могла бы ничего не везти.

– Да не везла бы!

Храм-часовня Святого Николая на месте дома матушки Алипии, где паломников кормят благословенной кашей и хлебом. Автор: Ljudmila.tch – Власна робота, CC BY-SA 4.0.

Остаюсь в своём углу один на один с «гостинцами» Алипии. Перекрестился, прочитал «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся»! Помолился матушке и попросил её исцелить меня от ужасных болей и чтобы мне пойти вновь на работу, а не сидеть на шее у матери.

Открыл бутылку с водой. Тёплая и противная. Сделал глоток, ещё. Раскрыл кулёк и вытащил один белый сухарь. Перекрестился и кладу его в рот. А сам прошу матушку исцелить меня от немощи, которую «подарили» мне лет четырнадцать назад.

Только попытался разжевать сухарь, как внутри моего рта раздаётся громкий старческий голос. Можно откровенно сказать, неприятно дребезжащий голос старухи:

– Бог исцелит тебя.

От неожиданности матушкиного голоса, которым заговорил сухарь, забыл, как его и есть. Ну прямо сказка про Алису в стране чудес, только на мариупольский лад. Ещё заметил, что говорила она с едва заметным нерусским акцентом. Да она и не была русской. А потом понял, это просто продолжение тех обещаний, начало которым положил ангел в обычном мариупольском трамвае.

Ангельский трамвай

Восемнадцатого ноября 2002 года мой кишечник почти полностью остановился. Это было похоже на одно из мучений батюшки Зосимы, которым он ушёл в могилу – инсульт кишечника. Инсульт, заворот, перитонит. Ужасы мучений человека на Земле.

Мне оставалось недолго. Едва живой вышел из церкви. Дальше нужно было ехать за кишечными капсулами и я поплёлся на трамвай. Еду наверх, во вторую поликлинику. Моя конечная. Трамвай доходит до поворота. С тоской смотрю в сторону Старокрымского кладбища: скоро и мне туда. Вдруг рядом со мной раздаётся голос.

– И ты этому веришь?

Интонацию и сам голос с ударением на слово «этому» не передать. Можно просто сказать – я никогда не слышал, чтобы кто-то говорил подобно ему. Только потом понял – этот голос был слышен всей Вселенной.

Сижу и думаю, что свалилось на меня в этот раз. Наконец, набираюсь смелости и говорю голосу.

– По правде говоря, не очень.

– И правильно делаешь, что не веришь, – с твёрдой верой, силой и убеждением поддержал меня некто.

Тут мне вся эта голосовая авантюра перестала нравиться. У человека забрали здоровье, взамен накормили болью и муками, с которыми большинство людей на Земле не встречаются, а теперь просто лечат мозги. И чтобы положить конец этому тонкому искушению, спрашиваю невидимого духа.

– А ты исповедуешь Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего во плоти и распятого за нас.

Этот проверочный вопрос впервые описал на страницах своего первого послания Иоанн Богослов (1 Ин. 4: 1—3). Только задав такой вопрос духу, как это повелевает делать верным апостол, можно узнать, кто перед тобой. То, что я услышал, было очень далеко от бумажной инструкции святого Иоанна.

– А ты-то Его исповедуешь? – с непередаваемой насмешливостью, которая происходила от полного видения ангелом моей души, спросил голос.

– Целиком и полностью, – ответил ему тем же ответом, каким отвечал много лет назад своему неопытному духовнику на вопрос, исповедую ли я Символ Веры?

– И мы Его исповедуем, – с твёрдой решимостью, которой позавидовал бы любой подвижник, ответил дух.

И продолжил.

– Так положи себе на сердце и запиши себе на ум – внезапно всё кончится!

– Когда-когда? – переспрашиваю в недоумении.

– Внезапно, – повторил ангел.

Последнее было сказано уже на порядочном расстоянии от меня. Духи поднимались вверх, а я остался сидеть в грязном мариупольском трамвае красного цвета.

Бородавки

Немало моего здоровья утекло с тех пор по карманам ведьм и заезжих колдунов. За это время я раза три съездил на голых ягодицах туда, куда не ходят поезда Российских Железных Дорог. Как выбирался? Господь однажды приказал положить в его личный банк под проценты трижды прочитанный вслух девяностый псалом. Он и вытащил меня на поверхность земного рая (ада). Это кому как больше нравится.

Десятого января 2016 года. Изгнанный церковным активом за воскрешение забытой всеми всенощной в церкви Преображения Господня Колобова, стою на воскресной службе Шуйского кафедрального собора. Стоял до тех пор, пока боль не потекла по ногам. Сел. Рядом тут же падает бродяга, пришедший погреться. От него исходили недетские ароматы.

Пришлось уходить. На входе в собор стоит стол. Не долго думая, присаживаюсь на краешек. Ноги не держат. На душе кошки скребут. Из сельского храма нас выгнали. В Шую ездить очень дорого и далеко. Возвращаемся из неё убитые и раздавленные. Чем быстрее закончатся наши деньги, тем скорее придётся уезжать домой под обстрелы.

Уже несколько дней память упорно возвращает меня в далёкий 2002-й год. Обещание ангела, что «внезапно всё кончится», кажется мне обидной издёвкой. От опустошённости и полной безысходности начинаю искать на пальцах правой руки бородавки. Когда такое настроение накрывает меня с головой, ожерелью из бородавок приходится туго. Успокаиваю боль болью.

Ногтями пальцев ищу бугорки, которые были ещё несколько минут назад, а их нет. Заканчивается херувимская. Из алтаря выходит священство собора. Подношу пальцы к глазам. Вместо моих папиллом на пальцах чистая гладкая кожа. Священство, преподав благословение, уходит. В указательном пальце, на котором красовались пять бородавок, чувствуется след от боли, словно их вырвали пинцетом. Вырвали, боль тут же незаметно обезболили и заглушили чем-то неземным.

Но и этого мало. Когда-то после армии, стирая свою рубашку, загнал себе в указательный палец лезвие от бритвенного станка (забыл вытащить его из кармана). Шрамы ещё долго были видны, а потом на этом месте стали расти бородавки. Теперь эти шрамы появились вновь, словно я попал в январь 1989 года.

– Это что такое? На этом столе продают церковные свечи и иконки, а вы задом расселись! – монах Михаил недовольно морщится.

Бородавки на большом пальце ноги.

Сползаю со стола. Это, конечно, некрасиво. Оборачиваюсь назад и задираю голову вверх. Со стены на меня сурово взирает преподобный Илья Муромец по прозвищу Чоботок. Его тоже угостили немощью и лежал он на печи, пока Бог не поднял его.

– Чья работа? Твоя?

Преподобный молчит.

Теперь концов не найдёшь. Потрясённый, иду на причастие. В рот кладут каплю, но сейчас мне всё равно. Я здесь чужой. А чужих в соборе не любят. Зато не чужой для Того, кто послал в мариупольский трамвай ангела и заставил говорить голосом киевской блаженной обыкновенный сухарь. Люди гонят, Бог милует.

Воздвижение (1991 год)

Двадцать шестого сентября нас со Славкой его родители выперли в цирк Никулина на Цветном бульваре. Коренному москвичу девять лет, радости полные штаны. А я ехал в цирк по привычке. Гражданская жена обожала походы в шапито. В этот день новую программу «Осторожно, клоуны» должен был открывать полуживая легенда СССР Юрий Никулин.

Выходит конференсье и объявляет: «К нашему большому сожалению Юрий Владимирович не сможет выступить на открытии новой программы. Он болен!» По рядам проносится ветерок сожаления: «Ох»!

Но достойная замена московскому диву быстро нашлась. Никулина превзошли настоящие клоуны с дипломатической неприкосновенностью. Я во всю разглядывал балаган, расположившийся на лучших местах напротив эстрады. Первые разведки мира, получившие аккредитацию в Москве, сочли за честь присутствовать на представлении разведклоунов. В свою очередь, Москва посольская выставила отечественных клоунесс во всём их халтурном великолепии.

Запомнилась молодая прожжённая красотка рядом с итальянским дипломатом. Старший лейтенант КГБ в настоящих бриллиантах и биографией московской шлюхи. Около трёх десятков офицеров-девиц в вечернем декольте вылезли из постелей своих бой-френдов, чтобы зримо показать всему миру похотливую изнанку советской разведшколы.

На разглядывание «семейных пар», где каждый считал себя умнее своего партнёра, ушла первая часть. А в антракте смотр московской бондианы закончился. Разведчики стали покидать представление. Мне стало скучно. Едва досидел до конца. Сколько альковных тайн открыла та премьера! И методик внучатых племянников «Железного Феликса».

«Наши» не брезгают ничем. Если с возможностями туговато (перестроились), в ход традиционно идут русские бабы. Последняя станция Московского метро – «Клубничка от Лубянки». Но Славка был доволен: племяшу и без клоунов всё понравилось. После ужина его быстро уложили спать, утром в школу. А мы засиделись за полночь.

В четыре утра меня подняли холодной водой. Меньше чем через пять часов улетал мой самолёт Москва – Франкфурт-на-Майне. Выскочил с вещами на площадку и через минуту в потёмках московского подъезда подвернул правую ногу. Острая боль, идти невозможно. Кое-как доковылял до подъездной двери. Открываю, на меня бросается крупная овчарка. Кладет свои лапы на грудь и делает «гав-гав». В лицо пахнуло вонью собачьего желудка.

– Да ты не бойся, она не кусается, – крикнул мне из темноты двора её хозяин.

Но было уже поздно. Чувствую, как внизу делается тепло. Мокрый. Едва доковылял на одной ноге до метро. Мне без пересадок до «Планерной». Дальше рейсовый автобус до Шереметьево-2. Приехал. Пытка повторяется. Ползу до входных дверей, дальше через вместительный холл к лифту. Почему-то до сих пор помню лицо молодого негра.

Началась регистрация. Пассажиры рейса выстраиваются в очередь. Больше сотни людей. Выстоял, протягиваю паспорт и билет.

– Вы куда летите?

– Во Франкфурт.

– А это в Стамбул. Ваш рейс напротив.

Только теперь начинаю сравнивать номера рейсов. Отличаются только одной цифрой. Вновь занимаю очередь. Проверяют документы.

– Идите в зону пограничного контроля.

Протягиваю паспорт и билет. Осталось несколько минут до окончания посадки. Время идёт. Сержант пограничник ждёт. Время посадки закончилось. Мой рейс улетает без меня.

Прошло ещё минут пять. Объявляют вылет рейса. И только тогда солдат хлопает машинкой в моём паспорте.

– Можете лететь.

Забыв о боли и мокрых штанах, бегу в посадочный коридор. За его резиновой занавеской уже выглядывает человек. Это американская «Первая помощь», которой разрешили работать в Шереметьево. Молча хватает мои вещи и приказывает шевелиться. Мы спускаемся вниз. Он властно вызывает трап. Дальше было всё как в кино.

Трап на хорошей скорости летит через взлётное поле. Этот человек звонит по радиации на борт и приказывает остановить лайнер. Мы выкатываемся прямо в бок аэробусу. Ревут двигатели, самолёт готовится взлетать. Трап никак не может подъехать вплотную к двери, его относит потоком воздуха от самолёта. Наконец открывают дверь. Американец приказывает.

– Прыгай! – и кидает мои пожитки первыми.

Следом за ними лечу и я.

– Ну вот, теперь все на месте, – стюардесса закрывает дверь и я вновь падаю на пол.

Самолёт взлетает.

– Идите в салон, – говорит девушка.

Посидев на своём месте с минуту, встал и иду по всем салонам в направлении к хвосту. Дальше только лестница на нижнюю палубу. У её входа туалет. Захожу. На полке меня ждут не дождутся полная бутылка одеколона «Саша», бинт и вата. Вата советскому ватнику не нужна. Мы и так все из ваты. Беру с полки одеколон и лью его в открытый бинт. Жду, пока бинт пропитается, так, чтобы из него текло. Дальше туго бинтую распухший сустав ноги пачкой бинта. Переношу всю тяжесть тела на подвёрнутую ступню. Боль терпима.

На своё место возвращаться не хочется. Сел на свободное место в салоне для курящих. Мне тут же на голову кладут ноги. Поворачиваюсь. Наглый немец дымит сигаретой – уходи! Понимаю, что проломить его голову подарочным самоваром сейчас нельзя. В аэропорту арестуют за дебош на борту. Это пара лет отсидки в немецкой тюрьме. Молча встаю и иду дальше. Следующей была русская немка. Завязал разговор. Но она мне не попутчица. Едет в Кассель к жениху. Это в бок от Франкфурта.

В аэропорту тьма народа. Это город, а не убогая коробка укрытия Шереметьево-2. Над моими попутчиками, немцами из Казахстана, смеются вслед. Прикид не тот. На меня никто не обращает внимания. Даже обидно. Бросаю вещи и иду в справочную. Как правило, после прилёта русского рейса там собираются немцы искать свою восточную родню. У стойки стоят две пожилые фрау. Здравуюсь, объясняю, что к чему. Она из них говорит.

– Если мы найдём племянника с семьёй, то до Карлсруэ доедем вместе. Дальше сами.

Меня это устраивает. Соглашаюсь.

Через час мы все вместе на железнодорожном вокзале. Переход похож на московское метро. Немка спрашивает.

– Деньги есть?

– Да, – показываю деньги.

Те тут же идут за билетом. В поезде мы разговорились. Они русские немки. Протестантки. Отсидели по восемнадцать-двадцать лет в советских лагерях за веру, но не за царя и не за отечество. У обоих на запястье выколот номер. Смертницы. Их освободили в пятьдесят седьмом. Спустя несколько лет западные немцы вытащили из СССР.

Два с половиной часа мы говорили только о вере. Племянника с детьми и женой старушки отправили в соседний вагон. Он неверующий.

Вдруг открывается дверь и в дверном проёме вагона появляется пьяный в стельку парень. Он что-то орёт на немецком и мимо нашего купе летит недопитая банка пива.

– Раз. Два. Три. Пли! – снова прицеливается здоровенный нечесаный бугай. Следом за ним врываются ещё двое. Банок больше нет и в воздух поднимается свёрнутая ковровая дорожка вагона первого класса.

– Кто это? – спрашиваю попутчиц.

– Это азиуленды. Переселенцы из бывшего ГДР.

После открытия границ в Западную Германию хлынул «социализм». Такой, каким его придумали Маркс и Энгельс, а воплотили в жизнь русские комиссары. Заражённые отплясывают танец пофигистов. Один из них расстёгивает ширинку и хочет слить преобразованное пиво прямо на дорожку. Завидев толстого пожилого кондуктора, прибежавшего на шум, те расхохотались. Но, услышав, как турок вызывает полицию, побежали в соседний вагон.

Перед самым Карлсруэ немки буквально вцепились в меня с вопросом, который мучил их долгие годы.

– Ты православный, мы лютеране. Разницу знаем. Помилует ли нас Господь?

Они буквально сверлили меня взглядом.

– Это только попы говорят, что единственный путь на небо – православие. Они себе цену не сложат. Спасёмся только мы, если сохраним веру, крещение, заповеди, приложим к этому кучу добрых дел плюс причастие и стояние в храме. Остальные церкви безблагодатные. Это их басни.

Но Бог не смотрит на это. Толку от православного крещения, если ты отворачиваешься от ближнего и дальнего. Он (Создатель) приходит больным, голодным, узником, нагим, босым, а его одинаково гонят и те и эти (Мф. 25: 31—46). Поэтому Он Сам сказал через апостола «Исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1Ин. 2: 17), а не просто крещёный на сороковой день.

Бог смотрит на то, сколько отстрадал человек за Него. Чем больше, тем ближе Бог к своему созданию. Только это является пропуском в жизнь вечную. И только оно способно разрушить все перегородки, которые нагородил человек вместе с сатаной на пути к Нему. Других критериев, которые так превозносят католики и православные, у Бога нет, не было и никогда не будет.

Последние слова сразили наповал исповедниц веры. Мельком выглянув в окно, они произнесли.

– Карлсруэ. Скорее, у нас три минуты.

Центр города Пфорцхайм, земля Баден-Вюртемберг.

Бегом вылетели на перрон, схватили мои вещи и побежали в подземный переход. Я едва поспевал вслед за ними. Двум фрау под девяносто, а бегают как сорокалетние. Через минуту на соседний путь пришёл французский голубой экспресс «Страсбург – Штутгарт». С насто-

ящими француженками. Поезд тронулся. Мои попутчицы остались на перроне. Одна из них украдкой смахнула скупую слезу.

Через полчаса я был в Пфорцхайме. Уезжая, прижимистая мама Эрика не дала мне тридцать пфеннигов, пришлось кидать в автомат дойч марку. Но тот проглотил и не соединил с набранным номером. Со всего размаха треснул немецкую броню. В руке что-то хрустнуло и она стала распухать на глазах. К правой ноге добавилась левая рука. Первый день знакомства с Германией. Вытащил ещё одну монету и на этот раз услышал Эмму.

– Ты где?

– На банхофе (вокзале). Буду сидеть на большом чёрном паровозе в центре игровой площадки для киндеров. Забери меня.

Еще через полчаса маленькая фройляйн в белом плаще забрала меня с банхофа и я вновь услышал привычный вопрос.

– Деньги есть?

– Да.

– Плати за автобус.

Поужинав, в шесть вечера по-немецки я сидел на кожаном вонючем диване и рассказывал двум сёстрам и маленькой болонке Бини о своих дорожных приключениях. Говорил, а сам не отрываясь смотрел в окно. День клонился к закату, солнце нежно целовалось последними тёплыми лучиками со своими дочками и сыночками – жемчужными облачками. Они быстро проплывали мимо окон комнаты в немецком городке земли Баден-Вюртемберг. Твердь небесная не знает перегородок и таможен. Как Бог единый, она одна на всех. Лист календаря покидал праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня.

Хэллоуин-1 (Большая Вода)

Не везёт мне с Хэллоуином, начиная с 1991 года. Мало кто знает, но кельты не прогадали – это день начала Всемирного потопа (Быт. 7: 11).⁷ Первого ноября, возвратившись из Германии, я засел в научной библиотеке с дипломной по теме «Происхождение тотемизма». На год. Как мне потом сказали, в Советском Союзе за последние четверть века никто из студентов не брался за такую головоломку. И откуда мне было знать тогда, что начало всех начал моей темы ведёт в книгу Бытие, и что мой «дипломный тотемизм» на самом деле не что иное, как загаженные палубы ковчега со зверьём патриарха Ноя.

А между тем вода смывала годы моей жизни. Шёл Великий пост 2012 года, а я так и пребывал в полном неведении об истинной причине этого явления. Проблема не была решена, отец Зосима Никольский благословил меня «копать» ещё в 1996 году и послал мне на помощь «озарения», но толку не было никакого и тогда Сам Бог решил мне помочь.

Искушения Великого поста почти всем известны: ссоры, упреки, обиды, раздражение и недовольство, а для тех, кто поздоровей, пьянство и блуд. Вот и дома начался скандал. Я не пускал простывшую и раздетую родительницу на ледяной балкон за укрытой старыми пальто картошкой. Побежал за своим пуховиком и уже у порога балкона накинул на неё, но неудачно, задев на молитвенном столике лампадку, та упала на ковер, залив его маслом.

Его-то как раз и не хватало, чтобы вспыхнула адская смесь, способная в считанные минуты погубить нас обоих. В какое-то из мгновений я не выдержал её оскорблений, которые не прекращались, то вспыхивая, то затихая, более получаса и сам стал ей отвечать тем же. Плач души от всего этого не описать словами – не хочет человек ссориться со своей матерью, не хочет нарушать заповедь Господню: Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе (Исх. 20: 12).

Обида моей мамы за искалеченную жизнь вмиг обрела словесную форму, вырвавшись наружу. Ещё секунда и в дело пошли бы руки. Вдруг она стала кричать ещё громче, возмущаться и побежала за тряпками – непонятно откуда на кухонном полу появилась вода, и она всё время прибывала.

Вода лилась из всех щелей и в считанные секунды полки, кастрюли, тёрки, формочки, стоявшие на полках внутри мойки, стали мокрыми. «Источником великой бездны» стал непонятно как раскрутившийся сифон, да еще так, что муфта чьей-то невидимой рукой была поднята вверх на 4 сантиметра. «**Потоп!**» – изумленно подумал я и стал выносить всю утварь на балкон, а обмякшая и заплакавшая мама побежала к другу, потому как закрутить его сам я не смог.

Дальнейшее было просто невероятным – чудом Божиим мы разошлись. Я на диван – писать лёжа книгу, мама на кухню мыть картошку, но и там она продолжала кричать, что я сволочь и ещё раз сволочь. Ещё долго, убирая воду по всей квартире, она то ворчала, то плакала, то снова в ожесточении твердила, что я настоящая сволочь, а я вдруг понял: Бог спас меня от жуткого искушения Великого поста. Нам обоим причащаться, а тут дело до побоища чуть не дошло.

Описать словами внезапное, не поддающееся никакой логике, вмешательство воды в жуткую ссору, которая возникла из ничего и сотворила Потоп прямо у нас под ногами, было просто невозможно. Невидимый Бог видимо и осязаемо избавил меня, как десятки тысяч лет назад несчастного и затюканного своими соплеменниками Ноя, от верной гибели отчаяния после рукоприкладства.

⁷ Погиб весь мир. // Сторожевая башня. – 2002. 1 марта. – С. 4.

Я бы погиб, если бы поддался огню искушения, но тогда, глядя как Бог смиряет мою мать, расхохотался. Смех овладел мной, я глядел на неё и хохотал. Ожесточение, как клей, сковало её душу, но сила его была разрушена милосердием Божиим.

Ссора была ужасна, но её истинная подоплёка – неразгаданная тайна происхождения тотемизма – до меня не доходила. Я по-прежнему пребывал в неведении. В следующие несколько дней я только и думал о потопе в нашей крошечной квартире. Все полки внутри мойки вздулись и пришли в негодность. Осталось искать подходящую доску, ДСП или пластик, чтобы заменить их.

А она, как назло, не находилась. И где я её только не искал. Подходящей по размеру не было нигде. Пришлось идти в немецкий гипермаркет OBI, но и там я ничего не нашёл.

Открытие нового гипермаркета. Он, кстати, очень похож и снаружи (неуклюжий), и изнутри (чрево ковчега) на ковчег Ноя.

Умучившись на столярных мытарствах, взмолился святому Иоанну Воину, чтобы помог мне отыскать подходящую по размерам и отправился на поиски заново. В тысячный раз мученик пришёл на помощь. Доска отыскалась. Каково же было моё удивление, когда широкая цельная сосновая доска оказалась хорошо склеенной из пяти тоненьких дощечек. Укоротил её, проолифил, дважды покрыл лаком – получилась хорошая полка.

И только тогда до меня дошло, что это продолжение потопа в нашей квартире: так мучился Ной, безуспешно искавший материал для гигантского по размерам ковчега. Ведь таких длинных стволов в то время уже просто не было в природе – он жил в эпоху покрытосеменных, а они более 30 корабельных метров в длину не имели. Остался только один вариант – клеить небольшие сосновые, к примеру, бруски или доски в одно единое целое, а для прочности по бокам делать углубления и выступы как это делают для паркета. Конструктор LEGO в архаичном варианте.

И вот что сказал Господь Бог Ную; *«Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи»* (Быт. 6: 14). Так он и смолил, внутри и снаружи, бруски или доски, сшивая их намертво, прочной как клей, смолою. А доска та в немецком гипермаркете OBI обошлась мне в 33,50 гривен. Мистика. Число лет Христа на Земле.

Иисус тоже был плотником и сыном плотника Иосифа (как все полагали). Его трудовой стаж восемнадцать лет. Но мало кто из людей задавался вопросом, почему Он был плотником, а не врачом, рабом в каменоломне, купцом, храмовым священником, наконец?

Потому что по-другому привыкнуть к неизбежности Своей смерти на кресте было просто невозможно. Нет дерева под рукой у купца и раба, воина и дипломата. Только плотник ежедневно стругает рубанком кедр и сосну, ставит косяки дверей, забивает в них гвозди. Гвозди, которыми и Его прибьют, распиная на кресте.

До тридцати лет он был на послушании плотника, ежедневно осязая своими руками уготованную Ему смерть, что и предвозвестили писания ветхозаветных пророков. Восемнадцать

лет понадобились Сыну Человеческому, чтобы принять сущность предопределения – позорное распятие без ужаса и содрогания. И только после этого следует крещение, сорокадневный пост, трёхлетняя проповедь, предательство Иуды, распятие, смерть, воскресение. В православии это умение превозносится до невозможности. Называется оно *памятованием о смерти* или возогреванием в себе *памяти смертной*. Ему с первых шагов учат послушников в монастырях.

Ной, став плотником, спасается в чреве ковчега, Господь-плотник Сам восходит на крест, чтобы спасти многих. Ной и семья его не лишены греховности (одна семья Хама-Ханаана чего стоит), Господь безгрешен. Ковчег Ноя спасает от вод потопа, крест Господень спасает от бездны греховной.

Я ещё месяц помнил об этом странном случае, а потом забыл. Долговременная память отправила его в подсознание. Но ещё раньше старый раздатчик журналов Свидетелей Иеговы в ответ на мою просьбу принёс три журнала о Всемирном потопе. Так я узнал, что день первое ноября, с которого начались мои поиски истоков тотема, был отмечен началом библейского потопа. Он же День всех святых у католиков.

А тридцатого апреля меня озарило – палубы ковчега Ноя, где происходил тесный контакт человека и животного, это и есть момент рождения тотемизма. И здесь сплошная мистика. День ангела монаха Зосимы (Сокура), умершего почти десять лет назад. Но благословения не умирают! Они и нас переживут, поскольку Бог вечен.

Прошло два года после разгадки тайны «Тотема». Судьба книги оказалась настолько несчастной, что я горько сожалел о её написании. Она никому не была нужна. Но Бог вновь напомнил мне о потопе настолько неожиданно, что тот ужас кричащей среди воды мамы вновь воскрес.

В декабре 2013 года Киев начало майданить. Многие, живущие торговлей в Мариуполе, стали закрывать свой бизнес. Среди гипермаркетов только ОБИ объявило о полной распродаже и закрытии магазина. В январе, зайдя в ОБИ, увидел всё своими глазами. Полупустой магазин, бесцельно бродящие мужички.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.